

СУННАТУЛЛА АНАРБАЕВ

УХОДЯТ АРХАРЫ

Повесть

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия»
1985

Произведения Суннатуллы Анарбаева хорошо известны юным читателям. В новой повести, выходящей на русском языке, автор с большой любовью пишет о природе родного края, о людях, которые делают все, чтобы сохранить природные богатства для будущих поколений.

A $\frac{4803010000-138}{356(04)-85} 124-85$

© Издательство «Ёш гвардия», 1982 г.

© Издательство «Ёш гвардия», 1985 г. Перевод,

УХОДЯТ АРХАРЫ

Повесть

1. У КАЖДОГО — СВОЕ «ВЕЗЕНЬЕ»

Кучкар вернулся из школы. Не успел он расседлать своего осла, как услышал за спиной тарахтенье мотоцикла. Турабек приехал. Высокий, длинноногий, с шлемом на голове, он гордо восседал за рулем, будто всю жизнь ездил на мотоцикле. На самом же деле этот мотоцикл с коляской появился в их дворе лишь нынешним летом. Директор совхоза самолично вручил его отцу.

Знаете Караул-тепе, что напротив конторы? Ну, где летний кинотеатр. Там и проходило собрание. Кучкар и сейчас может повторить, что сказал директор, когда передавал отцу мотоцикл: «Нет такого человека, который бы не знал Бабамурада-палвана¹ Буранова... — сказал директор. — План он всегда перевыполняет, и не было еще факта, чтобы в его отаре случались потери. Поэтому мы награждаем его как победителя социали-

¹ Палван — силач.

стического соревнования мотоциклом «Урал». Ваша кошара, Бабамурад-палван, находится далеко от центральной усадьбы. Так пусть мотоцикл сократит это расстояние».

И все же отец на следующий день вернулся домой, как обычно, верхом на коне: водить мотоцикл-то он не умеет. Вот и пришлось Кучкару с дядей Турабеком самим осваивать сверкающий на солнце, черный, с блестящей окантовкой «Урал». Хотя, по мнению Кучкара, было бы гораздо лучше, если бы за рулем мотоцикла сидел тот, кто его заслужил. Однако на вопрос, когда он научится водить, отец с усмешкой ответил: «Вот начнут пасти овец на мотоцикле, тогда и я научусь на нем ездить»...

— Кучкар, помоги-ка!— позвал дядя.

В коляске мотоцикла лежали бутылки с затейливыми надписями. Такие бутылки с красивыми этикетками стали появляться в их доме с тех пор, как Турабек, выучившись на зоотехника, вернулся из города. А раньше... нет, Кучкар не помнит, чтобы раньше было такое. Когда они переносили бутылки в кладовку, их увидела мать. Ну, теперь начнется, подумал Кучкар. И точно, бросив на бутылки взгляд, полный презрения, мать спросила:

— Для чего вам все это, деверь?

— Есть такая поговорка: не имей сто рублей, а имей сто друзей. А это помогает получить друзей!— засмеялся Турабек, довольный своим ответом, и многозначительно поднял палец.— С помощью этих бутылок развязываются языки и сближаются души!

— Так ли это?— поморщилась мать.— Да они разлучают мужа с женой, родителей с детьми, друга с другом!

— Я же говорил вам, профессор должен приехать.

— Ваш «большой учитель» такой выпивоха?

— Да нет же, янга¹. Просто эти бутылки украсят наш дастархан!

— Да уж какая там красота! Не украсят, а испортят они все,— продолжала ворчать мать.— Сказали бы мне, я бы сама все устроила...

Между тем Турабек переоделся в солдатскую форму, в которой вернулся из армии, только без погон и значков на груди. Через плечо повесил ружье, на поясе подвязал патронташ.

¹ Янга — обращение к жене старшего брата.

— Далеко ль собрались, деверь?— спросила мать, кипятившая молоко в казане.

— На охоту.

— Вай, а как же ваш гость?— удивилась мать.

— А что гость? Говорят же: у каждого гостя своя удача. Для него и на охоту иду. Может быть, мне повезет и я добуду хорошую дичь в горах!

В горах, значит, и заночует. Кучкар с жалостью посмотрел на дядю: вдруг волки нападут, что тогда?.. А Турабек стоит гордый, широко расставив свои длинные ноги, и ни о какой беде даже не подозревает. Хотя, скорее всего, не он, а волк, встретившись на его пути, задрожит от страха!..

Не успел Кучкар открыть рот, чтобы попрощаться с дядей, как тот произнес командирским тоном:

— Тебя оставляю своим заместителем, Кучкар! Если кто придет в мое отсутствие, чтобы встретил как подобает! Кто знает, может, и ты когда-нибудь будешь учиться у профессора Азиза Нуриевича.

— Есть, Турака!— выпалил Кучкар.

Вечерние сумерки постепенно обволакивали горную гряду. И только вершина Кашкатау, вонзившаяся в небесную высь, ярко сверкала в лучах заходящего солнца.

— Ох, давно пора на его ноги путы надеть! Все бродит по свету, все никак не нагуляется, — недовольно проворчала мать, провожая взглядом деверя.

Все-таки странная у него мать! Как можно на такого джигита, как Турака, надеть путы? И зачем это нужно? Но мать почему-то считает: главное, чтобы человек был смирным. Вот и старшего брата Кучкара, Тайлака-ака, который сейчас в армии, тоже, по словам матери, надо будет стреножить. И как только он вернется со службы, так она, оказывается, «за уши его скрутит да из одной головы — две, а из двух ног — четыре сделает»!

— Хай-хой!— вдруг закричала мать.

Но тот, к кому она взывала, уже успел скрыться за горой.

— Ну что теперь будем делать?— всплеснула она руками.— Отец и Кузибай сегодня не вернутся домой!

— Ну и что же!

— Как — что же? Голодными они останутся — вот что! Турака твой мог хотя бы еду отвезти им!

— Давайте я отвезу,— предложил Кучкар.

Мать испытывающе посмотрела на него:

-- Не побонься?

Конечно, пока он верхом на ишаке доберется до Саксаул-кудука, в степи стемнеет. Вот если бы на мотоцикле... И все же, собравшись с духом, он произнес отцовскую поговорку:

— Волки, что ли, меня съедят?

— Тогда собирайся!— скомандовала мать и торопливо направилась к очагу.

Кучкар пошел искать своего ишака. Тот мирно пощипывал траву на лугу за кошарой. Когда Кучкар пригнал его во двор, мать уложила в один карман хурджуна лепешки, завернутые в дастархан, а в другой — бурдюк, наполненный куджой¹. С помощью матери перекинув хурджун через седло, мальчик вскочил на осла. Со стороны кошары, довольно виляя хвостом, прибежал Олапар. Опустошил, видно, свою миску с похлебкой и теперь готов сопровождать хозяина куда угодно.

— Не страшно будет одному?— спросила мать.

— Что я, маленький? Чего мне бояться?— Кучкар серьезно, как это делают взрослые, насупил брови.— И-их!

Черный осел, не дожидаясь палки, быстро засеменил ногами. Олапар побежал рядом.

Дорогу на Саксаул-кудук его осел знает отлично. И даже если Кучкар отпустит узду, осел сумеет самостоятельно дойти до места. Только вот один Кучкар еще ни разу не ездил к отцу. Обычно с матерью или с дядей Турабеком возили туда ужин. Но чаще всего отец или старший брат Кузибай сами приезжали домой верхом на лошади и забирали еду.

А сегодня, кажется, и впрямь поздновато собрался он в путь: совсем недалеко отъехал, а уже не слышать крика галок, которые только что кружились над головой. И только ласточки высоко в небе продолжают свою бесконечную игру в «догонялки». Черный осел тоже как будто почувствовал, что поздно пустились в дорогу: «тапир-тупир», «тапир-тупир»— торопливо отбивают его копытца. И Олапар, ни на шаг не отставая, бежит по тропе.

Уже стемнело, когда добрались до затерявшегося в степи русла высохшего сая. Кучкар с беспокойством осмотрелся. Он почему-то почувствовал страх. А в безлунном небе холодно мерцали звезды. Вокруг стояла глубокая тишина, слышались лишь стук ослиных копыт да

¹ Куджа — кисломолочный суп из кукурузы или пшеницы.

посапывание Олапара. Чтоб поскорее вырваться вон из сухой ложбины, Кучкар палкой и ногами стал погонять осла.

Наверху его обдало ветерком, и он вздохнул свободно, полной грудью. Когда же вдали показался то ярко вспыхивающий, то угасающий огонек костра, мальчик совсем успокоился. И страшные тени, вылезшие вслед за ними из ложбины, сразу отстали, заметив костер. Олапар перебежал вперед и уверенно возглавил шествие. Иногда он замирал на месте, поводя поднятыми ушами, а потом вдруг бросался вдогонку за кем-то невидимым. Возвращался обычно, опустив голову и высунув язык, всем своим видом показывая, что не поймал.

— Ждет не дождется тебя суслик,— дразнил Кучкар своего пса.

Вот и сейчас Олапар насторожился. Опять суслик? А может, змея вышла на охоту? Кучкар встретился с ней недавно на тропе: лежит себе, свернувшись в клубок, и греется на утреннем солнышке. Хорошо, он успел вовремя повернуть ишака в сторону, а то могла быть беда. Вот дрофа — другое дело: крупная, похожая на курицу, добродушная птица. Погонишься за ней, а она, смешно переваливаясь, заковыляет впереди тебя. И только руки протянешь, чтобы ее схватить, как она прямо из рук выскользнет и улетит. Говорят так — она врагов от своего гнезда, от птенцов уводит.

А как много здесь лис! По словам отца, они идут вслед за отарой, выжидая удобного случая. Отстанет, собьется с пути ягненок, а лиса хватить его в зубы, и только и видели эту бесстыдницу! Кузибай как-то рассказывал смешной случай. Возвращался он домой, видит — прямо посреди дороги кизяк стоит! Не поверил Кузибай глазам своим, даже поплевал за ворот рубахи: не привидение ли ему показалось? А кизяк вдруг плюхнулся наземь, а из-за него показалась лисица, бросившаяся наутек. Оказывается, она кизяком, как щитом, прикрывалась!

А вообще-то в степи можно что угодно увидеть. В палящий зной, например, перед глазами вдруг возникает зеркальная гладь озера или белые очертания скалочного города... Но тут мысли Кучкара оборвались: он заметил две светящиеся точки. Так в темноте светятся глаза кошки. Но откуда здесь может быть кошка? Или это... Внутри у мальчика похолодело от страшного

предчувствия. Как заколдованный, смотрел он не отрываясь на эти горящие огоньки.

— Олапар!— тихо позвал мальчик. А потом громче:— Олапар!

И тут же услышал частое дыхание своего верного пса. Когда он был уже у ног хозяина, два зловещих огонька растворились в темноте.

— Испугался, пустился наутек! А ты у меня, оказывается, смелый!— Кучкар, свесившись с осла, ласково потрепал собаку. Лохматый рыжеватый щенок, которому едва исполнился год и который еще ничего не знал на свете, кроме игры, показался теперь мальчику сильным, как лев.

До сих пор Кучкар волков видел только на рисунках и фотографиях. А волчьи следы ему показали прошлой зимой. Тогда волк, подкравшись к отаре, зарезал четырех овец. Не одну, а сразу четырех! Хорошо, собаки бросились на него, а то, наверное, передушил бы всю отару.

Но вот опять вспыхнули в темноте зловещие огоньки. А может, это вовсе не глаза, а фары машины, что едет далеко за барханами?

— И-их!— прикрикнул Кучкар на осла.

Первыми их встретили Арлан и Тарлан. Арлан — большой и светлый, ну в точности белый медведь. Тарлан — бурый волкодав. Издали почуяли своих, мигом прибежали. Олапар, узнав родителей, радостно завилял хвостом, скуля и повизгивая, забегал вокруг. Только что был почти взрослым псом, а сейчас снова превратился в маленького щенка.

Кузибай, оказывается, уже давно сторожил их на дороге. Он ненамного старше Кучкара, и тот не привык называть брата «ака», хотя мать и ругает его за непочтение. Когда они начинают бороться, Кузибай, конечно, выходит победителем. А вот в скачках на ишаках Кучкар всегда приходит первым. Ну а другого брата, Тайлака, он, конечно, называет «ака». Еще бы, ведь он сейчас сержант, командует отделением.

Кузибай, взяв уздечку, повел черного осла к костру. Ярko полыхали обломки саксаула, около костра было светло и жарко. Отары не видно, но слышно, как, посапывая, громко и аппетитно хрумкают овцы.

Отец, скрестив ноги, сидел у костра с пиалой в руке. Благодушно урчал прокопченный кумган, зарытый наполовину в груду головешек.

— Ты один приехал?— с удивлением спросил отец.
— Один. Шакалы не съели,— Кучкар, держась как взрослый, прыгнул с седла.

«Я давно не маленький»,— хотел было добавить он, но Кузибай легонько толкнул его в бок локтем: мол, не больно зазнавайся.

— Знаю, ты у меня храбрый,— похвалил отец,— но все же ночью нельзя по степи одному бродить. Мог бы с дядей приехать.

— Турака ушел на охоту,— ответил Кучкар.

— Какую еще охоту?

— Как на какую — обыкновенную охоту!

— Ну-ка, скажи мне пояснее.

— Его «большой учитель»... Ах, забыл, как его...—

Кучкар взглянул на Кузибая.

— Профессор, что ли?— выручил тот.

— Да, профессор, оказывается, приезжает.

— Наверное, просил меня пораньше возвратиться?

— Нет, ничего, вроде бы, не просил...

Кучкар заметил, что последние слова задели отца. Может, и хотел дядя предупредить отца, чтобы тот встретил гостя, да забыл в спешке. Желая загладить вину Турабека, Кучкар повторил:

— Турака сказал, что у каждого гостя своя удача. Для него он и на охоту пошел.

Кучкар хотел позабавить отца, а тот еще больше нахмурился. И вдруг вдали опять засветились две яркие точки, то вспыхивая, то угасая, будто играя с кем-то в прятки.

— Что это такое?— спросил Кучкар несколько растерянно.

Поискав взглядом огоньки, отец недовольным тоном произнес:

— Это кто-нибудь вроде твоего Тураки. Имеет служебную машину, вот и гоняется на ней по степи за дрофой или джейраном.

Он встал с места. Надел рукавами до этого накинутый на плечи чапан, взял с верха палатки свою шапку и растворился в темноте.

— Нечего бездельничать! Иди помоги,— позвал брата Кузибай.

Видно, без него не обойтись: черный осел довольно рослый, а обе суммы хурджуна битком набиты, и Кузибай один с ним не совладеет. К тому же мать не раз предупреждала, чтобы осторожней снимали хурджуна,

не то все может опрокинуться. Взявшись с двух сторон за хурджун, они занесли его в палатку. Кучкар выпрямился, облегченно вздохнул и тут услышал приближающийся топот лошадиных копыт. Отец, держа своего саврасого коня за узду, остановился у костра. Кузибай, чтобы лишний раз не беспокоить отца, сам оседлал коня и приготовил его в дорогу. Вот такой он предусмотрительный: все заранее знает, как, что и когда делать. Не зря мать писала Тайлаку в армию: «За отца можешь не беспокоиться. Кузибай подрос и стал его правой рукой». «А я?»— спросил тогда задетый за живое Кучкар. «И ты не хуже его. Ты, мой младшенький, помогаешь мне, облегчаешь мое время»,— ласково погладила его по спине мать.

На обратном пути было совсем не страшно, и никаких загадочных огоньков они не встретили. Звездное небо высоко над головой, как надежный щит. И степь спит спокойным, глубоким сном в объятиях ночи. Впереди неторопливо перебирает копытами саврасый, неся отца на своем мощном крупе. Отец сидит в седле прямо, высокий и сильный — настоящий богатырь. Сегодня он молчалив. А обычно расспрашивает о его делах, об учебе. Однажды он сказал Кучкару, когда дядя еще учился в институте: «Вот окончишь школу на «отлично», пошлю тебя тоже учиться в город. Станешь зоотехником, как твой Турака, или ветеринаром...»

Вот они миновали высохшую ложбину, куда после последнего весеннего селя не попало ни капли воды, и потому каждый звук здесь отдавался гулким эхом.

— А дальше уже сам езжай,— сказал отец, остановив саврасого, когда они выбрались наверх.

Конечно, дальше он сам спокойно доедет, до дома совсем недалеко. «Не бойся, я с тобой»,— завиллял хвостом Олапар.

Мальчик обернулся, только когда отъехал довольно далеко: отец все еще смотрел им вслед. «Не маленький же я, чтобы еще за руку водили!»— пробормотал он, но в душе стало тепло и совсем не боязно.

— И-и-их!— весело прикрикнул Кучкар и пустил своего осла вскачь.

* * *

На следующее утро Кучкар проснулся рано. Матери уже не было в комнате. Сбросив с себя одеяло, он выскочил во двор. В тандыре горел огонь. Со стороны

юрты, пристроенной к дому, доносилось дробное постукивание чакича¹. Кошма, служившая дверью юрты, была приподнята. На полу расстелена супра², и мать, сидя на корточках, раскатывала тесто на лепешки и наносила на них узоры. Отодвинув кошму, Кучкар просунул голову на кухню. Дядя, если вернулся, должен быть здесь. Однако одеяла были сложены.

— Не пришел?

Мать, не поднимая головы, продолжала отстукивать чакичем «дук-дук-дук».

— Не загораживай свет,— бросила она.

Он отошел, и сноп света брызнул на супру.

— Кучкар!— позвала мать.

— Что?— отозвался он, зевая.

— Вай, посмотрите-ка на него! Того и гляди муха в рот залетит!— Она насмешливо сморщила нос.— Сам должен знать свои обязанности, а еще помощником называется!

Вдруг что-то с силой ударило о стенку юрты, да так, что решетчатый деревянный каркас заходил ходунном. Кучкар в одно мгновение выскочил наружу. Окачивается, сцепились два козла.

— Да чтоб вам шеи поотрвало!— закричал он.

Козлы разошлись в разные стороны. Кучкар не стал за ними бегать: босиком по колючкам не больно разгуляешься.

Вернувшись в дом, он оделся в рабочую одежду — старый пиджак, латанные на коленях брюки, обулся в кирзовые сапоги брата. Около очага отыскал подходящую палку и направился выполнять свои обязанности. Полдюжины овец и коз, черный осел паслись неподалеку от дома. Присвистнув как настоящий чабан, Кучкар взмахнул палкой: «Курр-хайт!».

Вся отара и даже черный осел послушно направились в сторону горы. А за горой — пастбище. Пойдешь чуть выше — бьет родник. Называется он Бутакозом, что значит «верблюжий глаз». Туда отара ходила на водопой. Весной Кучкар с дядей Турабеком был у этого родника. Спросил его, почему родник так называется. Дядя ответил ему: «Приглядишься к нему внимательней,

¹ Чакич — деревянное приспособление для нанесения узоров на лепешку перед выпечкой.

² Супра — скатерть из грубой материи или кожи, на которой раскатывают тесто для лепешек и мучных блюд.

и сам все поймешь. Увидишь, что родник, как глаз верблюжонка, на тебя смотрит и подмаргивает». Дядя даже песенку сочинил про этот родник, только поет ее, когда никого нет рядом.

Хорошо около родника слушать его журчание. Изпод могучих бурых корней древней орешины, клокоча и пенясь, вырывается на волю вода. Можно часами наблюдать за ключом. Бросишь в самую серединку родника лист или веточку и ждешь, пока вынесет их водоворот. Но, по правде говоря, никакого «глаза верблюжонка» он так и не увидел.

«Лучше всяких лекарств исцеляет родниковая вода», — дядя произносит эти слова как заклинание и заразительно, причмокивая от удовольствия, пьет эту воду прямо из пригоршни. Кучкар тоже пробовал так пить, но ничего похожего на лекарство в ледяной воде не почувствовал. Однако не стал возражать дяде, потому что «некрасиво перечить взрослым», как учит мама. А уж он-то знает вкус лекарства. Зимой, когда долго болел, мучаясь кашлем, пичкали его всякой горечью. И сейчас, при одном только воспоминании о лекарствах, он невольно поморщился.

Поднявшись на гору, Кучкар остановился: дальше отара сама дойдет. Но на всякий случай присвистнул и издал пронзительное, слышное на всю округу чабанское «курр-р ха-айт».

Возвращаясь назад, он увидел в степи едущего рысцой всадника. Кучкар узнал в нем отца. На голове белая войлочная шапка, на плечах коричневый чакман, но издали все сливалось в темное пятно. И конь тоже казался темным, хотя он светло-гнедой. И какой это замечательный скакун! Нет ему равных на улаке! Безбоязненно может врезаться в самую гущу всадников, подождет, пока хозяин завладеет тушей козла, а потом умчит его от преследователей! До сих пор перед глазами стоят прошлогодние скачки, устроенные неподалеку от фермы. Вообразив себя сидящим в седле вместо отца, Кучкар взмахнул «кнутом» над головой и с криком «ха-айт!» бегом помчался с горы.

Мать уже успела приодеться: на ней длинное, до щиколоток, цветастое платье, голова повязана шалью. Держась руками за узду саврасого, нетерпели-

¹ Улак — козлодрание, традиционное спортивное состязание.

во перебиравшего копытами, она что-то взволнованно говорила отцу, задумчиво сидевшему в седле.

— Пусть гость сначала приедет, да и хозяина самого еще нет,— отвечал ей отец, нахмутив брови.

«Все еще в обиде»,— Кучкар невольно замедлил шаг. Но как только отец начал спешиваться, он, подскочив, взял повод из рук матери.

— Ассалам алейкум!

Отец повернулся и подал руку.

— Погнал отару к Бутакозу?— спросил он, оглядывая сына с головы до ног.

Кучкар кивнул. Задержав его руку в своей, отец на мгновение задумался и добавил:

— Ну хорошо. Отведи коня к привязи.

Только и всего? А он ждал от отца совсем другое задание: погнать саврасого в урочище... Эх, как взлетел бы он тогда на вершину, а оттуда пустил бы коня вскачь до самого Бутакоза!...

— Не снимай седла, достаточно расслабить подпругу.

Когда он, привязав саврасого, вернулся в дом, отец раздевался в прихожей, а мать торопливо лепила лепешки к стенкам тандыра. Кучкар знал, почему мать так спешит. Вот и отец, вешая шапку на гвоздик, пристально взглянул на дорогу.

Гость появился внезапно, часов в двенадцать. Мать к тому времени закончила возиться с лепешками. Они сидели за дастарханом и не спеша пили чай. В это время послышался гул мотора. Отец, сидевший во главе дастархана, перевернул пиалу и вопросительно взглянул на Кучкара. Тот выбежал во двор и увидел рядом с мотоциклом незнакомую коричневую «Победу». В совхозе ни у кого нет такой машины. Капот и боковые стекла покрыты толстым слоем пыли: видно, немалое расстояние прошла. Тут он заметил хозяина машины.

Похож, мелькнуло в голове. У Кучкара была привычка в каждом новом знакомом отыскивать сходство с каким-нибудь животным, а иногда и с вещью, ему принадлежащей. Вот отец похож на своего коня. Дядя Турабек похож... хотя лучше не говорить, на кого он похож... А вот гость похож на свою коричневую машину.

Гость махнул ему рукой: то ли ответил на приветствие, то ли просил подойти к нему.

— Здесь двор Палвана?— спросил гость.

Кучкар почтительно ответил. Знакомым и родственникам слишком длинно кажется называть отца «Баба-мурад-палван», вот и спрашивают запросто: «Дома Палван?» или «Где Бабака?» Имя матери тоже ленятся произносить полностью и «Анакызбиби» до «Биби» урезают. «Где Биби?»— говорят.

— Позвать?— с готовностью спросил мальчик.

Но гость, словно не расслышав вопроса, смотрел поверх его головы. Кучкар обернулся: отец, слегка наклонившись, выходил из дверей.

— Буранов говорил мне, что старший брат живет на Бутакозе, так и пришлось ориентироваться. Кажется, не заблудился?— улыбнулся гость.

Знакомы значит. Но почему же отец так оробел? Или своего вида застыдился— выбежал в галошах на босу ногу? А гость как ни в чем не бывало поздоровался, обнявшись с хозяином.

Отец повел гостя в комнату, где был накрыт дастархан. Мама успела постелить новые курпачи. Гость остановился в нерешительности у порога.

— Принеси воды, сынок!— позвал отец.

Кучкар выбежал в прихожую, взял кумган и тазик для умывания, мать набросила ему на плечо новенькое полотенце.

Гость начал умываться. Кучкар лил воду на руки, и он с удовольствием освежал лицо и шею. Тут его взгляд упал на саврасого, звучно жующего ячмень из мешка, висевшего у него на морде.

— Тот самый?— спросил он у отца, пристально всматриваясь в коня.

— Нет, тот был темнее,— улыбнулся отец.

— Ха-аа,— протянул гость, вытираясь,— отличный был скакун!

— На свадьбе у сарайцев оступился и сломал ногу...

— Жаль,— покачал головой гость.

Кучкар не видел прежнего отцовского скакуна. А гость— уж не участник ли улака? Увидев саврасого, он, казалось, от восхищения даже забыл, что умывается: застыл на месте с пригоршней воды. Но все же мешковатая, грузная фигура гостя более уместна за рулем автомобиля, чем в седле. Трудновато, наверное, приходится бедняге коню с таким тяжелым всадником. Хотя, с другой стороны, есть среди завсегдатаев улака люди и потяжелее!

Вытянув ноги, гость облокотился на круглую подушку. Но тут же, словно вспомнив, начал рыться в своих карманах. Наконец, вытащив из внутреннего кармана сложенную тюбетейку, расправил ее и надел.

Кучкару показалось, что новая чувская тюбетейка, прикрывшая сверкающую лысину и белые виски, изменила лицо этого человека. Конечно, он совсем не похож на «большого учителя», «профессора», которого они ждут уже второй день, а скорее всего, это — завсегда-тай свадеб и других торжеств.

— Домулла,— произнес отец, протягивая гостю пиалу с чаем.— Тогда, на скачках, нехорошо вышло...

— Что вы имеете в виду?— поинтересовался гость.

— Не уважили мы вас, гостя, я и Парпи-короткий,— смущенно пояснил отец.

— Э, оставьте, Палван,— засмеялся гость,— на то они и скачки, чтобы бороться за победу. Наоборот, вы преподали мне хороший урок грамотной тактической борьбы.

Кучкар хотя и не совсем понял, о чем говорил гость, но снова засомневался, что это тот самый человек, которого они ждут со вчерашнего дня. Он взглянул на отца. Тот, пряча улыбку в усы, смотрел вниз.

— Признаюсь, что среди ветеранов я считал себя неплохим наездником. Но вы показали мне, каким должен быть настоящий наездник,— продолжал гость.

— Да что вы, domuлла,— возразил отец,— у вас отличная посадка, вы хорошо скачете.

Раз отец так говорит, значит, сидящий напротив человек — настоящий наездник. И конечно же, этот человек — вовсе не учитель Турабека. Тут Кучкар заметил, что отец украдкой подмигивает ему. Он догадался, что это значит: «Посмотри-ка, готова ли мать нас кормить?»

Обычно расстояние между домом и кухней он покрывал в одно мгновение, но сейчас нельзя: ведь в доме гость. Однако когда Кучкар заметил дядю, возвращающегося с гор, он забыл обо всем и радостно закричал:

— Турака-а!

2. «И Я — СОУЧАСТНИК ВАШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ!..»

А осел дяди Турабека, кажется, и в самом деле тяжело нагружен. Глянeshь же на ездока — смех разбирает: на ишаке своим он смотрится совсем как Караджан-алп из «Алпамыша». С той лишь разницей, что

друг Алпамыша, высоченный и сильный Қараджан-алп, сидел верхом на могучем скакуне, касаясь длинными ногами земли, а этот — на ишаке, но тоже волоча ноги!

Отец вместе с гостем вышли во двор. А дядя Турабек, подъехав, даже не приподнял ногу, а лишь соскользнул со спины ишака.

— Добро пожаловать, Азиз Нуриевич!— Турабек рукой сделал знак приветствия и, сняв с ишака свою добычу — архара с могучими рогами, бросил ее к ногам гостя.— Домулла, вы — удачливый человек, и приезд ваш благословен, я в этом убедился.

Глаза Турабека светились радостью, на губах играла улыбка. «Э-э,— произнес про себя Кучкар,— а гость-то, оказывается, и есть дядин «большой учитель». И даже расстроился от собственной недогадливости: ведь он обязан был с первого взгляда узнать человека, у которого, быть может, придется учиться, когда подрастет. Но почему произошла такая перемена с гостем: человек, только что смеявшийся вместе с отцом, теперь выглядит грустным.

— Я хорошо знал, когда он появляется, куда на водопой ходит. До рассвета пришлось пролежать в укрытии, подстерегая его.— Турабек, будто не замечая перемены в настроении гостя, с жаром продолжал рассказывать об охоте на архара.— Наконец, слышу, захрустела галька. Приподнял голову, вижу — стоит этот самый архар. А видели бы вы, с каким величием спустился он с горы! Ростом не ниже нашего черного ишака. Рога — все равно что изогнутые сабли разбойников! Лежу я, не дышу. Только коснулся он своей мордой воды — тут я и выстрелил. Он сделал было рывок с места, да и повалился.

«Большой учитель» не сводил взгляда с лежащего у его ног архара.

— Домулла, нажимая на курок, я сказал: не моя это рука, а рука Азиза Нуриевича!— Турабек заискивающе улыбался.— Так что добычу можно считать вашей. А из рога можно заказать превосходную ручку для ножа!

— Вы хотите сказать, что я причастен к совершенному вами преступлению?— Гость медленно поднял голову и пронизывающе взглянул на Турабека.

— Вы о чем, домулла? Какое преступление?

«И в самом деле, о чем он говорит?»— с недоумением пожал плечами Кучкар.

— Такого красавца сгубили...— Азиз Нуриевич сел на корточках возле архары.— И как только у вас рука поднялась на это беззащитное животное? Как вы посмели пролить его кровь?! Этот бедняга рожден был, чтобы долго жить, размножаться и оставить после себя большое семейство! А сколько радости он мог бы доставить людям одним только своим видом...

— Простите, домулла! — приложил руки к груди Турабек.

Отец вроде тоже растерялся, не зная, что предпринять.

— Домулла... Азиз Нуриевич, ведь вы в первый раз к нам пожаловали. Думал вам сюрприз сделать,— продолжал Турабек.

«А что такое «сюрприз»?— задумался Кучкар над незнакомым словом.

— Спасибо! Обрадовали вы меня, и я на седьмом небе от счастья!— Азиз Нуриевич с нескрываемым гневом смотрел на дядю.— Хорошенький «сюрприз» преподнесли вы мне, нечего сказать. А я на вас такие надежды возлагал как на будущего ученого.

— Я оправдаю их, домулла.

— Уничтожив очередное животное?

— Домулла,— тут уже и отец не выдержал,— ну, простите уж на первый раз вину своему ученику...

Просьбы, кажется, сделали свое дело. Профессор, опустив глаза, задумался. Потом он медленно поднял голову и, глядя на отца, сдержанно произнес:

— Побеспокоил я вас, Палван.

— Нет, что вы!— запротестовал отец.

— Раньше в этих горах архары и горные козы стадами ходили.

— Да, это так,— подтвердил отец.— В детстве, когда мы ходили на Бутакоз, видели эти стада. Вон там!— показал он рукой в сторону гор.— На вершине Кашкатау, вон на тех зубчатых скалах Такакийратгана скакали они вольные, свободные, никого и ничего не боясь.

— Где же стада теперь?— Азиз Нуриевич обвел всех вопросительным взглядом и сам ответил на вопрос:— Уничтожены!

— И для хищников стали добычей,— вставил дядя. Азиз Нуриевич взглянул на него исподлобья.

— Да, и хищников тоже. Но они уничтожали в ос-

новном слабых и больных животных. А сильных и здоровых, которым бы жить и жить, добывали другие хищники, стреляли в них в упор из ружей, расставляли капканы на их пути. Надо, не надо, не задумываясь, иногда просто для забавы уничтожали этих животных. И уничтожили! А вы, зоотехник, специалист, призванный увеличивать поголовье полезных животных, быть может, сразили пулей последнего в этих горах архара!

Эти слова громом поразили Кучкара. Словно виноватый, он невольно вобрал голову в плечи. Все замолчали. Первым заговорил отец:

— Не последний, наверное, домулла, остались еще...

— Он одним своим присутствием оживлял камни, горы! Ведь живая красота! Человеку, увидевшему его хоть раз, впечатлений хватило бы на целый месяц!— с горечью продолжал профессор.— Ради этой красоты, наслаждения ею, мы рвемся из душных городов сюда, на эти просторы, к этим высоким и вечным горам... А вы одним выстрелом лишили радости тысячи людей.

— Домулла,— как бы прося прощения, произнес отец,— приезжайте к нам на будущий год и вы увидите, как они резвятся на Кашкатау. Ну не исчез же с этим архаром весь их род?

— Не знаю, не знаю,— возразил профессор. Он сделал было два шага по направлению к своей «Победе», но, передумав, остановился. Поразмыслив про себя, он нерешительно произнес:

— Буранов...

— Лаббай, Азиз Нуриевич!— дядя поднял голову, будто очнулся от сна.

— Есть у вас инструменты для искусственного осеменения?

— Есть, Азиз Нуриевич!

— Приготовьте их к работе.

Турабек бросился на кухню. Наконец-то гнев «большого учителя», кажется, прошел. Он энергичным жестом скинул с себя пиджак и начал переодеваться. Извлек со дна портфеля синий халат и надел. На голову нацепил белую докторскую шапочку.

И отец остался доволен, что лицо гостя просветлело. В ответ на жесты матери, подаваемые со стороны кухни, он попытался вернуть профессора к начатому было обеду.

— Мне в голову пришла идея... Нужно попробовать...— сказал гость, отказавшись продолжить трапезу.

Он указал в сторону лежащего архара. — Нужно принять все меры к тому, чтобы род его продолжался.

— Разве это возможно?— удивленно спросил отец.

— Конечно, мертвого не воскресишь,— покачал головой профессор.— Но, может быть... Это всего-навсего эксперимент. И надежда на неживого...— Профессор взглянул на отца.— Овцы ваши нужны. Может, удастся продолжить род архара.

Кучкар с нетерпением ждал, что скажет отец.

— У мертвого животного...— пробормотал тот с сомнением. И вдруг махнул рукой:— Ну, хорошо, домulla, на ваше усмотрение...

Кучкар вызвался было помогать, но профессор охладил его пыл:

— Тебе, Кучкар, будет особое задание. Но это потом. А сейчас походи помоги матери по хозяйству.

Может быть, профессор шутит, считая его маленьким? Но взрослым перечить нельзя, и Кучкар, обиженно засопев, отправился в дом.

Вскоре, однако, его позвали собраться в дорогу. Надо было подъехать туда, где паслись овцы, а затем показать гостю Бутакоз. Кучкар с радостью бросился помогать: осторожно сложил в хурджун пробирки, термос с теплой водой, курпачи.

Отец попытался все же уговорить профессора пообедать, но тот не согласился. Оказывается, у него принцип: пока не закончил дело, не прикасаться к еде. Пришлось отцу согласиться. Но он все-таки передал дяде еду, завернутую в дастархан.

Черный осел, хотя и вез на своей спине Кучкара с дядей, семенил довольно бодро. А вот лошади, которая несла профессора, пришлось туговато. И обе стороны хурджуна, перекинутого через седло, были битком набиты. В одном его кармане — канистра, которую профессор переложил из багажника машины. В другом — термос с кипяченой водой и другие вещи. Зачем ему вода? Ведь профессор хотел напиться вдоволь родниковой воды и еще канистру ею наполнить. Очень она, оказывается, целебная.

Пока поднимались в гору, черный осел запыхался. Но дядя не догадался его пожалеть. Тогда Кучкар тихонько спрыгнул с осла. Идти недолго осталось. Овцы не могли далеко уйти, пасутся, наверное, вон на том пастбище или лежат в тени какого-нибудь валуна. А

вот раздался стрекот сороки. С громким криком она слетела с орешины, что растет в ущелье. Заранее предупреждает, остерегайтесь, мол, люди едут. Не зря говорят, что сорока без причины не стрекочет: едва завидит она что-нибудь подозрительное, человека или хищника, так тут же своим громким стрекотом оповестит об этом всю степь, всех обитателей леса или гор.

Держась за хвост своего ишака, Кучкар карабкался наверх. Овцы и в самом деле не ушли далеко, расползлись по головному склону ущелья, заросшему миндалем. Всадники поначалу не заметили стадо и продолжали подниматься дальше, к Бутакозу, но тут раздался лай Олапара. Как пес оказался здесь, ведь он, вроде бы, дома оставался? И вдруг тут как тут стоит себе, будто на пьедестале, на огромном камне. Первым повернул своего коня профессор, за ним дядя.

Кучкар предупредительно взял коня за узду, когда гость начал спешиваться. Лицо профессора было серьезным, сосредоточенным. И все же он не преминул похвалить мальчика за внимательность: «Молодец!» Кучкар невольно покраснел. Хотя ничего особенного он не совершил. Просто он знал неподатливый нрав савраго: не признает он чужих людей. И вполне вероятно, что мог бы начать брыкаться, когда гость слезал с седла.

Вытаскивая из хурджуна коробку с инструментами, профессор сказал:

— Мы сейчас тут займемся своими делами, а ты поезжай прямо к Бутакозу, приготовь там все.

Как?! Опять?! Кучкар от обиды задохнулся. Он что — не сын чабана?! Уж он-то все про овец знает — мог бы и сейчас, если нужно, отца заменить! А с ним, значит, как с несмышленьшим поступают?

Азиз Нуриевич, посмотрев на мальчишку, понял, что происходит у того на душе. Усмехнулся, подошел к Кучкару, положил ему руку на плечо:

— Без твоей помощи нам не обойтись, конечно. Мы тебя скоро догоним, и я расскажу тебе, что ты должен будешь делать.

Пришлось Кучкару отправляться восвояси.

Когда ученые догнали мальчика, Кучкар еще сердился. Но профессор стал рассказывать такие удивительные вещи, что Кучкар только рот раскрыл.

Оказывается, Азиз Нуриевич и Турака ввели овцам приготовленный ими самими состав, то есть, как выра-

зился не совсем понятно Турака, «произвели искусственное осеменение».

И, если верить словам профессора (а как ему не верить), то ровно через пять месяцев у этих четырех овец должны появиться четыре ягненка, помесь, как он говорит. Но что такое «помесь»? У козла с козой рождается козленок, у барана с овцой — ягненок. Но как овца может произвести детеныша от архара, этого Кучкар не мог себе представить. Но спросить не решился.

— Вот вам и тема,— сказал профессор, обращаясь к Турабеку. Можете считать, что с сегодняшнего дня началось научное исследование. Заведите тетрадь и записывайте, пожалуйста, свои наблюдения. А Кучкар вам поможет. Не так ли?

Азиз Нуриевич с улыбкой взглянул на Кучкара. И долго еще Кучкар чувствовал на себе взгляд прищуренных глаз этого странного человека. И слова профессор употребляет какие-то непонятные. Ну вот, например, он говорит: «Подвержены ли архароиды первого поколения, особенно животные голубой окраски, альбинизму?» Альбинизму... И такое, оказывается, бывает. Но что это значит?

— Турака, а Турака, скажите, что значит «помесь?»— вполголоса спросил Кучкар. И когда уже мальчик потерял надежду получить ответ на свой вопрос, дядя, обернувшись к нему, сказал:

— Это животное, появившееся вследствие скрещивания двух разных пород, например, если скрестить кобылу с ишаком, появится мул. Понял?

Кучкару нравится, когда дядя разговаривает с ним как со взрослым.

— Понял. В Тешик-таше у Эшмата-бува видел мула: он меньше саврасого, но больше нашего черного ишака.

Турабек, соглашаясь с ним, кивнул головой. А Кучкар между тем задал следующий вопрос:

— А генетика что такое?

Турабек усмехнулся в усы и молча продолжил свой путь. Тогда Кучкар повторил свой вопрос. Дядя с досадой пнул ишака в бок и небрежно бросил:

— Ты все равно не поймешь.

Теперь дядя опять посчитал его маленьким. Но ведь он же в школу ходит!

— Пойму я все!— пробурчал он недовольно.

Профессор обернулся.

— Экзамен устроил своему дяде?— Улыбнувшись, он дернул своего коня за повод.— Ну, не обижайся, я постараюсь объяснить тебе, что такое генетика. Генетика — это наука о наследственности. Понял?

Кучкар поспешно кивнул головой: пусть не думает, что он маленький и что у него ума не хватит ничего понять, как считает дядя. Азиз Нуриевич посмотрел на него проницательным взглядом. Не поверил, наверное.

— В каком классе учишься?— спросил он, пуская рысцой саврасого, чтобы идти вровень с черным ишаком.

— В четвертый перешел.

— Да? Молодец! Значит, скоро начальную школу окончишь? В старших классах начнете изучать ботанику, биологию. Вот тогда и получишь представление о генетике. А пока... хотя, ладно, слушай, что я тебе скажу. Ответь-ка, на кого похож твой дядя Турабек?

Тут и думать нечего. Кучкар поднял руку, как на уроке в школе. Профессор сделал знак: отвечай.

— На отца, конечно,— выпалил Кучкар.

— Верно. Ну, а ты сам?

Кучкар призадумался. Конечно, рад был бы походить на отца, однако...

— Вырастешь, наверное, будешь таким же высоким и сильным, как отец,— ответил профессор на свой вопрос.— Но внешне ты больше похож на мать. У отца твоего прямой нос, широкий лоб и черные брови, овал лица — удлиненный. Глаза острые, как у беркута. У тебя же лицо круглое, сам курносый — самую малость, вот так,— профессор кончиками пальцев приподнял нос.— А вот глаза и брови точно как у отца. И жесткими черными волосами ты в отца пошел. Вот эту похожесть детей на отца и мать определяют мельчайшие клетки в организме — гены. Например, и через тысячу лет кто-нибудь из твоих потомков будет похож на тебя. Потому что гены, клетки наследственности, сохранят твои черты, передавая их от твоих детей к внукам и так далее...

Кучкар с раскрытым ртом слушал рассказ профессора. Удивительные они, эти «гены», думал он.

— Теперь что-нибудь прояснилось для тебя?— спросил Азиз Нуриевич.

— Немного,— ответил Кучкар.

— Если прояснилось, то знай, сегодня твой дядя Ту-

рабек начал исследование в области экспериментальной генетики. Время покажет, насколько успешно пройдет этот эксперимент. Если удачно, то он будет изучать свойства и особенности новой смешанной породы животных: каких признаков у ягнят будет больше — дикого архара или домашних овец? И ты должен помогать ему в этой работе. Согласен?

Кучкар от волнения даже вспотел. Теребя ладонью щеку, он кивнул головой:

— Согласен...

Но только в чем будет заключаться его помощь? По утрам выгонять овец из загона, пасти их, а вечером отводить обратно в кошару? Это ежедневные обязанности. Но если потребуется и другая помощь, — он готов. Кучкар дал себе честное пионерское выполнять все поручения дяди.

Но вот опять сорока подняла стрекот. Летит от них метрах в ста и то сядет, то поднимется, словно известить о чем-то хочет. А может, она видела утром, как человек застрелил архара, и, оставляя за собой кровавый след, потащил бедное животное в свое жилище. Вот и свидетельство тому — темное пятно на одежде Турабека.

И тут в нос Кучкару ударил резкий, похожий на козлий, запах, который шел от дядиной гимнастерки. Вообще-то он и раньше его почувствовал, но не обратил внимания. А ведь это запах того самого несчастного архара с изогнутыми, как сабли разбойников, рогами. А Турабек, от которого исходит дух мертвого архара, ни о чем не подозревая, едет себе на ишаке. Вот сорока его и узнала. И узнав, подняла тревогу: «Эй, звери-птицы, все живое! Сюда едет преступник, что трусливо, из-за камня сразил пулей красу и гордость Кашкатау — красавца архара!»

Перелетая с ветки на ветку, сорока стрекотала не переставая. Кучкар, поморщившись, высвободил руку из-под локтя дяди и прыгнул с ишака. Угодил прямо на камень, но лишь крепко стиснул зубы. Хорошо, гость не заметил этого происшествия.

— Иди умойся, — сказал Турабек, обернувшись назад.

Кучкар умылся. И только сейчас заметил, что потерял тубетейку. Пока возвращался, пробираясь сквозь кустарник, изрядно запыхался. Тубетейку обнаружил у разлапистого пня. Подняв ее, побежал обратно. Изда-

лека доносились мерный перестук копыт коня да прерывистый голос профессора. Однако оторвались они порядочно. Кучкар прибавил шагу, чтобы догнать взрослых.

Вот, наконец, показалась макушка древней орешины. Под ее кроной — Бутакоз. И тут опять пятнистая сорока подала голос. Забралась, кажется, на самую макушку могучего дерева и своим стрекотом заполнила все ущелье. Значит, всадники добрались до родника. Был бы сейчас вместе с ними... Все-таки трудноато подниматься в гору, а тем более бежать. Зато слышишь, как бьется собственное сердце. «Ну, давай-давай, поспешай!» — приказал он сам себе. Так отец обычно приговаривает, погоняя отару с пастбища. Хотя он и так торопится, но что поделаешь, если эти сапоги все равно что гири, так и норовят стянуть его назад. И Кучкар еще раз отдал себе команду: «Ну, быстрее, быстрее! Раз-два! Раз-два!»

А макушка орешины постепенно росла, вот стали видны ее верхние ветви. Не отрывая взгляда от дерева, которое на глазах превращалось в могучего великана, Кучкар размышлял: «Есть джида — крупная, вкусная. Но вот бобо-джида не бывает. Яблоки разные бывают — белые, красные и даже «ватные». Но я что-то не слышал, чтобы говорили о яблоне — «бобо», как об этой древней орешине...»

Когда человек думает о чем-то, он забывает об усталости, и путь становится короче. Так и Кучкар не заметил, как оказался у родника. Вон и черный осел стоит, понурив голову, устал за сегодняшний день. А саврасый как ши в чем не бывало пощипывает травку, помахивая хвостом, чтобы отогнать назойливых мух. Дядя, взяв с седла хурджун, направился к орешине. А какая она огромная, величественная! Наверное, даже из их дома... хотя, нет, ее оттуда все же не увидишь. И если на гору забраться, все равно увидишь только макушку. А вот вблизи — какой великан! Приставив руку ко лбу козырьком, он задрал голову вверх так, что тубетейка упала.

— Раз, два... — откладывал он мысленно длину вытянутых рук на почерневшем, с растрескавшейся корой стволе дерева, — ого, примерно четыре выходит!

— Куда ты пропал? — бросил Турабек, выкладывая содержимое хурджуна на расстеленный у родника дастархан.

Не в первый раз приходит Кучкар к роднику. Не в первый раз видит древнюю орешину. Но каждый приход сюда для него настоящий праздник. И всякий раз не перестает он восхищаться прозрачной чистотой родниковой воды, великолепием орехового дерева. Вот и сейчас от радости, что опять он здесь, Кучкар хотел обежать вокруг орешины, крича во весь голос, да вовремя спохватился. Нельзя, ведь он не один, а с гостем.

Кстати, вот и он показался: идет, по колени погруженный в заросли горной мяты, лопуха и бессмертника. В руке белеет ситцевая шапочка, блестит на солнце лысина, а прищуренные глаза излучают беспечную радость.

При виде этого человека, который, кроме того, что профессор и учил дядю, может участвовать еще в скачках, как отец, при виде этого доброго и умного человека Кучкар не удержался и, довольный, запрыгал на месте.

— А, Кучкарвай! А я уж решил, что вы с нами в прятки играете, пошел искать вас вверх, в гору,— пошутил гость.

После этой шутки Кучкар совсем перестал стесняться Азиза Нуриевича. Да к тому же, тот, подойдя тихонько, когда Кучкар сбросив майку, наклонился к роднику умыться, плеснул на него пригоршню воды. Хотел Кучкар показать профессору, как надо обливаться, окатив его с головы до ног, да вовремя спохватился: гость как-никак!

Дразня своего неожиданного партнера по игре, Кучкар то поддавался, позволяя приблизиться к себе, то опять бегал, прямо из-под носа профессора. Азиз Нуриевич так бы, наверное, и бегал, закатав штанины до колен, шлепая босыми ногами по воде и играя в «догонялки», если бы Турабек не позвал их к дастархану.

Но когда он насухо вытерся и подошел к дастархану, то лицо его было серьезным, будто не он только что беспечно веселился. Нахмурившись, он взглянул на замысловатые наклейки на бутылках и произнес:

— Турабек, уберите-ка все это побыстрее.

— Отметим ваш первый приезд сюда, домумла,— просительно сказал дядя.— Понемногу, совсем по чуть-чуть...

— Этого добра и в городе полно. Но вот родника, подобного Бутакозу, там не сыщете.

— Тогда пусть вода Бутакоза будет нам на закуску!— рассмеялся Турабек.

Азизу Нуриевичу не понравилась эта острота. Оставаясь серьезным, он предложил:

— Давайте не будем осквернять воду родника.

Турабек пожал плечами. Кучкар тоже не совсем понял, почему родниковая вода осквернится.

Азиз Нуриевич заметил, видно, висевшие на нижних ветках орешины разноцветные лоскутки и, глядя в сторону, произнес:

— Это место чистое, святое...

Турабек, опустив глаза, усмехнулся. Кучкар с удивлением посмотрел на гостя. Неужели он верит древним поверьям? Станные слова говорит этот «большой учитель».

Бутылки все же были убраны. Они вернулись на свое место в хурджуне. Только после этого Азиз Нуриевич сел на курпачу. Подозвав Кучкара, посадил его рядом с собой. На дастархане лежали румяные, будто только что из тандыра, лепешки, испеченные утром мамой, вареное мясо, горкой наваленное в миску, богирсак и хрустящий хворост. Не забыла мама и кишмиш вперемешку с орехом и миндалем положить, сахар и другие сладости.

Профессор с аппетитом принялся за еду. «От одного этого воздуха можно поправиться,— говорил он.— А от воды пьянеешь!» Он зачерпывал из родника воду и выпивал пиалу за пиалой.

Кучкар, будто заново, оглядел знакомые места. Он увидел толстый ствол орешины, хрустально-чистый родник, который с бурливым кипением выбивался из-под корней. Он поднял глаза в таинственную синь неба, которое, казалось, легким дуновением раздвинуло густую крону листьев, тихонько перешептывающихся между собой, и смотрит, что происходит там, на земле?! Словно впервые, он увидел и гору, поднимающуюся из-за громады вековой орешины. На склонах ее темнеет сочная зелень, выше окраска постепенно бледнеет, становясь голубоватой. А вершина, вонзаясь ввысь, сверкает белой.

С гор дует ветерок, принося с собой душистый запах мяты. Какая благодать!

Заметив на себе взгляд Азиза Нуриевича, Кучкар оторвал глаза от вершины гор.

— Хорошего понемножку! Встали?— улыбнулся гость.

Турабек был явно не в настроении: не дали отдохнуть, как он хотел. Азиз Нуриевич сходил к месту привязи саврасого и вернулся с пластмассовой канистрой.

Мог бы попросить, Кучкар принес бы... Подбежал к профессору Кучкар, взял из его рук канистру. Подойдя к роднику, отвернул крышку и, ополоснув канистру, начал наполнять ее водой.

— Кучкара будем вспоминать, попивая воду Бутакоза,— услышал он над головой голос профессора.

Его будут вспоминать! Щеки Кучкара залились краской. Не сводя глаз с прозрачной чаши родника, он мысленно строил планы: «Вырасту, обязательно поеду в город учиться. И не одну, а две такие канистры с водой Бутакоза захвачу с собой. Вот «большой учитель» обрадуется, открыв ему дверь. «Входите, входите,— скажет,— Кучкар-палван! Вспоминаю вас частенько. Эх-ха! Привезли с собой! Ну, спасибо за целебную воду Бутакоза!»

— Кучкар-палван!— раздался голос Азиза Нуриевича.

Надев на голову белую кепочку, он приготовился в путь. Канистра уже наполнилась, а Кучкар и не заметил. Вытащить-то он ее вытащил, только передать ее Азизу Нуриевичу было тяжеловато. И все же он предупредил профессора, который хотел помочь.

— Не беспокойтесь, я сам...

Они вернулись домой, когда солнце село, и вечерняя прохлада приятно ласкала лицо. Отец с вилами в руках укладывал сено в стог. Вчера им две машины сена привезли. Кучкар сам все перетащил, правда, и мама немножко помогла.

— Помочь вам?— спросил он у отца, спрыгивая с ишака.

— Я закончил.

Страхивая пыль с одежды, отец пошел навстречу гостю.

Гость же, привязав саврасого к колышку, успел перенести канистру в свою машину.

— Одного-единственного дня отдыха на вашем курорте хватит теперь на весь год,— сказал он, крепко пожав руку отцу.

Какой еще курорт, не совсем понял Кучкар. После слов отца: «Приезжайте почаще, зимой вода теплая, а

летом — холодная», — он уразумел, о чем говорил Азиз Нуриевич. «Вашим курортом» он назвал место под орешинной-великаном.

Как ни уговаривал отец гостя войти в дом, тот не согласился.

— Кучкар-палван нас угостил на славу! Быстрее бы теперь до дома доехать, сохранив на языке вкус его угощения!

Когда Турабек вернулся, оставив содержимое хурджуна в кладовке, Азиз Нуриевич отвел его в сторону. «... Дней через десять-пятнадцать впустите барана проверить», — донеслось до ушей Кучкара. Потом, несмотря на протесты дяди, гость насильно сунул ему в карман деньги.

— Да не беспокойтесь вы, Азиз Нуриевич! — пытался возражать дядя. — Инспектор — мой приятель, свой человек...

— Я виноват в случившемся. Если бы не мой приезд, вы не совершили бы этого поступка. Не позднее, чем завтра, пойдите в райинспекцию. Открыто сознайтесь во всем. И заплатите штраф, сколько нужно...

Кучкару стало жалко дядю, который стоял, как мальчишка, понутив голову. Не позавидуешь ему!

— Только знайте вот что: одним штрафом вы не отделаетесь. Лишь при условии успеха эксперимента вы смоете свой грех! — говорил профессор.

А дядя в ответ только виновато кивал головой, повторяя: «Будет сделано, будет сделано».

Вынув из машины пиджак, Азиз Нуриевич начал натягивать его на плечи. И уже сидя за рулем, он взглянул в сторону дома и выбрался из машины. Подойдя к Кучкару, погладил его по голове. Лицо гостя оставалось серьезным, но прищуренные глаза излучали доброту.

— Передай мои извинения матери. Много беспокойства мы ей доставили...

— Да что вы, домумла! Женщина каждый день готовит, печет — это ей привычное дело, — запротестовал отец.

Но Азиз Нуриевич продолжал:

— Я ведь тоже родился и вырос в кошаре. Рад знакомству с тобой, Кучкар-палван. Вот увидел тебя, и словно вернулось ко мне мое детство.

Он уехал. Дядя на мотоцикле проводил его до большой дороги. Отец начал собираться в степь: Кузи-

бай там один. Может, придет его домой — утром ведь в школу идти.

А Кучкар долго стоял, глядя вслед машине, которая уезжала все дальше и дальше, оставляя за собой шлейф пыли на дороге. Грудь его переполняла странная, но приятная теплота.

3. НЕ ХВАСТУН КУЧКАР, НО...

Раз такой человек, как Азиз Нуриевич, наказывал вести наблюдения, он обязательно будет это делать. Перво-наперво надо было взвесить подопытных овец. Для этого Кучкар нашел три шеста, связал их потуже с одного конца и, повесив посередине весы, установил возле загона. Стемнело, пока возился. И отару пригнали с пастбища.

— Лови теперь,— приказал дядя.

Кучкар одним махом выхватил из стада овцу, бесполок семенившую вокруг кутана, и поволок за собой. Перехватив овцу поперек туловища веревкой, дядя Турабек взвесил ее. А Кучкар тем временем ловил следующую овцу. В толстую тетрадь дядя скрупулезно записал вес, рост, длину, объем подопытной овцы, какие-то еще мерки. Подражая ему, Кучкар тоже решил завести свою тетрадку, раскрыл ее и... стал раздумывать, что бы в нее записать. Посоветовался с дядей.

— Ну, заноси в свою тетрадь, к примеру, сведения о количестве съеденных за день кормов, слезанной соли, о том, сколько они «орешков» насыпят за день,— ответил дядя.

Шутит он или говорит серьезно — не поймешь. Однако Кучкар все записывал в свою тетрадь, каждый прошедший день теперь был у него на учете. Правда, он не совсем точно знал, сколько раз в сутки они пьют, потому что по утрам, выгнав стадо на пастбище, он отправлялся с Кузибаем в школу в совхозный центр. Возвращался только к полудню, а за это время овцы могли не однажды сходить на водопой.

Ровно через десять дней Кучкар напомнил дяде:

— Давайте проверим, осеменились они или нет?

Так Азиз Нуриевич наказывал. Но Турабек рассмеялся. Завел свой мотоцикл — и след его простыл. Напомнил ему Кучкар и на следующий день, и еще через день. Турабек в это время ужинал и аж поперхнулся. «Дай человеку спокойно поесть!» — прогнала мать

Кучкара из кухни. Но он все не унимался и с порога крикнул:

— Нельзя четырех овец без присмотра оставлять!

— Да пригоню я барана!— проворчал Турабек, раздосадованный такой настойчивостью.

Но вот когда это он сделает — завтра, послезавтра? Странные они, эти взрослые: никогда не говорят ясно и точно. Оказывается, «разговоры, которые ведутся дома, совсем не подходят для улицы». И вообще, как сказал дядя, не может же он первого попавшего барана погрузить в машину и привезти к овцам.

— Почему?— спросил Кучкар.

Только что сердитый, дядя неожиданно расхохотался.

— Осень стоит теплая, бараны еще не вошли в форму...

— А вы помогите им,— посоветовал Кучкар.

Но тут вдруг мать, громко ругаясь, погналась за ним.

— Эй, дерзкий ты козел! С каких пор это ты стал поучать взрослых?

Но он все-таки не отстал от дяди, пока тот не привез барана. В тот день он вернулся рано утром. Погода, оказывается, испортилась, дул сильный ветер. Если здесь, у склона гор, такое творилось, то что делается в песках?!

Был воскресный день, в школу не надо идти. Можно было бы понежиться в теплой постели, да мама не дала. Приготовила хурджун, в который сложила несколько мешков.

— Слышишь, как завывает? Наверняка, вся орешина осыпалась. Поедем соберем,— предложила она.

Кучкар укрылся было с головой одеялом, но она продолжала его теребить:

— Кучкарвай, удалец мой...

Ну разве можно устоять перед такими ласковыми уговорами? Уж если мать затеяла собирать орехи, то от своего не отступится. Кучкар одним махом сбросил с себя одеяло и вскочил на ноги.

Когда же они верхом на черном осле прибыли к роднику, там бог знает что творилось! И какая разительная перемена была между картиной, которую они застали сейчас, и тем, что они видели всего полмесяца назад! Не то что соловьиного пения, стрекота сороки было не слышать.

Кучкар вспомнил, как Азиз Нуриевич сбежал со склона горы, заросшего дикой мятой, как кружился он, словно ребенок, вокруг древней орешины, и сердце его защемило. Теперь от зелени осталось одно название. Кругом виднелась пожухлая трава. И будто ветер сдул, унес с собой величие могучей древней орешины. Лишь кое-где на голых ветвях трепетали на ветру одинокие желтые листья да колыхались привязанные к сучьям лоскутки людских желаний и надежд. В довершение всего, обломилась сухая ветвь и упала как раз на то место, откуда бил родник. И земля сплошь покрыта опавшими листьями.

Кучкар стоял грустный, понурый, повернувшись к ветру спиной.

— Собирай же!— окликнула его мать.

— А что собирать?— Он поворошил листву носком ботинка.

— Не топчи, сынок. Не нарушай покоя пращура в его могиле,— с укором произнесла мать.

Кучкар с удивлением взглянул на нее. О чем она беспокоится? Ему, правда, рассказывали, что их пращур, спасаясь от гнева какого-то завоевателя по имени то ли Джуджи, то ли Буджи, нашел себе здесь приют. И орешину эту посадил собственными руками. Говорят, на стволе ее остались следы его благословенных пальцев.

Кучкар, в общем-то, не верит подобным рассказам. Разве могут сохраниться отпечатки пальцев на дереве, посаженном сотни лет назад? И, всматриваясь в ствол древней орешины, он медленно обошел ее вокруг.

— Ну нагнись же, наконец, вай!— услышал он раздраженный окрик матери.

Он нагнулся и стал подбирать орехи, прикрытые слоем листвы. На шею Кучкар повесил мешочек, в который и складывал плоды. Краем глаза он взглянул на мешок матери — у кого мешок стал объемистее. Ведь интереснее собирать, когда вроде бы соревнуешься. Пока как будто он впереди: мать один раз пересыпала из своего мешка в общий мешок, а он дважды.

Неподалеку от родника стоял в выжидательной позе Олапар, не отрывая от мальчика взгляда. Наконец, махнув хвостом, словно сказав «Да ну тебя!», он побежал тихонько прочь. Будто у Кучкара есть время с ним играть.

В этот день они собрали два полных мешка орехов.

Кроме того, еще и заготовили дров на зиму: мать не то что сломанную ветку, а и опавшего листика здесь не оставила, все подобрала. Листья просохнут — и будут хорошим топливом вместе с кизяком.

— Удивляешься этим женщинам! — пробормотал Кучкар. — Как будто они с муравьями из одного теста сделаны!

Он и не заметил, как с уст его слетела любимая поговорка отца. «Если я к муравьям отношусь, то вы очень похожи на лягушку, целый день только и слышишь ваше кваканье!» — обычно смеялась мама в ответ.

— Быстрее, быстрее! — заторопилась мать, поглядывая на небо. — Как бы не полило.

«Быстрее, быстрее!» Вот был бы черный осел самолетом — слетал бы вмиг до дома и обратно. А то к седлу привязали два мешка с орехами, сверху загрузили дрова: легко ли с таким грузом с гор спускаться? Дома Кучкар снял груз с седла, освободил мешки и довольно быстро вернулся назад. Он не маленький, сам видит и понимает, что погода испортилась.

Кучкар держал мешок за края, а мать охапками бросала в него листву. Когда мешок наполнялся, она вставала в него ногами и прессовала, плотно сбивая листья так, что, если опрокинуть мешок, ни один листик не выпадет. И все же мать на всякий случай завязала края мешка веревкой. Верблюда бы сюда, да где его взять? Говорят, раньше у них была верблюдица. Он тогда маленький был, плохо помнит. «Твоя вторая мать», — дразнил его старший брат. Мать в детстве поила его молоком верблюдицы. Оказывается, болел он часто, вот и посоветовала матери одна мудрая старуха: «Попробуй-ка дай ему верблюжьего молока, может, выздоровеет». И в самом деле, помогло ему это молоко, излечился он от своих недугов.

Верблюдица не только молоком своим кормила, но и облегчала людям жизнь, все их грузы носила на себе. Шагала себе по дороге спокойно, помахивая головой. Помогала вытаскивать воду из колодца в степи и поить ею сотни овец. И вдруг, как только установили моторы на артезианских колодцах, стала ненужной. Отец пытался было ее спасти... А теперь вот грузом, для которого достаточно было одной ходки верблюдицы, заняты с утра до вечера два человека и один мешок.

— Вот задам я тебе кнутом! И-иш! — попытался было остановить он ишака. Мешки свесились с седла

в одну сторону, и матери нет рядом, чтобы помочь: она пошла пригнать домой корову да овец, что паслись неподалеку в ущелье. И Кучкару ничего не оставалось делать, как самому поправлять мешки. Ступай он осторожней, не прыгал был с камня на камень, тогда бы и седло с грузом не съехало, не пришлось бы так мучиться.

— Ах, чтоб ты подох!— в сердцах выкрикнул Кучкар.

— Хай, сынок,— слышался сзади голос матери,— если осел околет, на чем ты будешь возить дрова? А как в школу будешь добираться?

Кучкар устыдился своего проклятья, и ему вдруг стало жалко этого терпеливого и верного ишака.

— Их-х!— произнес он, шмыгнув носом.

Посмотрев вниз, в долину, он увидел в крайней овчарне, куда обычно загоняются отделенные от овец ягнята, винторогого голубого барана. Но дяди Турабека не было видно: может, он погрузил барана в попутную машину, а сам остался?

Пока Кучкар с помощью матери разгружал осла, вытряхивая из мешка листья, овцы и козы уже успели познакомиться с новым обитателем загона. А у их козла сердце ревнивое. Поэтому, когда овцы, касаясь мордами, начали обнюхивать чужака, козел, подпрыгнув высоко вверх, сцепился рогами с бараном! Загон аж заходил ходуном. Ну и задира этот черный козел!

— Хайт!— закричал Кучкар, разнимая драчунов.

Так и не приблизился к овцам голубой баран, прожил в их загоне с неделю и уехал. Хорошо, однако, ему было в гостях: в степи бы он довольствовался соленой водой из колодца, здесь же его поили родниковой. В степи он пережевывал жесткий янтак, здесь его кормили травами и листьями. И соли лизать давали вдоволь. Ну и ладно: ведь гость не каждый день бывает, поэтому нужно его уважать.

Кучкар был вовсе не хвостун, но не мог же он удержаться и не рассказать своим одноклассникам о начатых научных исследованиях. Некоторые не поверили, другие заинтересовались. От Кучкара ребята слышали загадочные слова «генетика», «альбинос». Он объяснил им смысл этих слов. Сейчас с ним подружился даже Эшджан, считающий себя всезнайкой и сидевший за первой партой напротив учителя. Теперь он пересел к Кучкару. Недавно из-за этих слов Эшджан подрался с

Маллабаем. Назвал его «альбиносом», а тот, недолго думая,— обидчику в ухо. Хотя у Маллабая и вправду белесые ресницы и голубовато-зеленые глаза. Но все равно это нехорошо — дразнить товарища «альбиносом». Так сказал их классный руководитель Баракаев.

— Я поеду к тебе, покажешь!— шепчет сбоку Эшджан.

Учитель рассказывает им о реках Средней Азии, а он тычет локтем в бок, пристаёт: «Покажешь, а покажешь?» А что показывать? Ведь еще и нечего показывать!

Правда, отец говорит, что овцы заметно округлились, и Турабек это подтвердил. По его прогнозам, голубая овца может и двойню принести. Уж очень она крупной стала, Турабек провел измерение, и оказалось, что живот у нее раза в полтора больше, чем у черной овцы. И все же дядя ошибся в своих прогнозах: она не двойню принесла, а всего одного ягненка. И у других по одному детенышу появилось. Но ягненок голубой овцы особый. Выпуклый лоб, длинные ножки, да и сам он крупный, выделяется среди других ягнят.

Новость эта распространилась не только в классе, но и по всей школе. Те, кто раньше не верил Кучкару, теперь так и вились около него. И даже Маллабай, услышав новость, поглядел на него долгим взглядом из-под своих белесых ресниц, потом сел на место и глубоко вздохнул. Вот все просят Кучкара: покажи да покажи. А Маллабаю, если бы тот хоть слово сказал, он бы не отказал. Да только он из тех, про кого мать говорит: «Если и слезет с коня, то ногу в стремях держит».

— Кучкар, слышал новость?— сказал Кузибай, когда они вместе ехали домой,— учитель природоведения хочет экскурсию к нам организовать!

— Ур-ра!— закричал от радости Кучкар.

— Только сначала он хочет встретиться с дядей Турабеком и обо всем договориться.

— А о чем договариваться?

— Как о чем — число уточнить, время,— ответил благоразумный Кузибай, погоняя ишака вперед.— Ведь нехорошо получится, если к нам придут люди, а дяди не окажется на месте. Он должен рассказать ребятам об эксперименте, показать ягнят, появившихся от архара.

Кучкару даже немного обидно стало: почему это о

«своём эксперименте»? А как же «большой учитель»? Да и с дядей не обязательно договариваться: если на экскурсию придет их класс, он сам все сможет рассказать.

Есть ли признаки альбинизма у детенышей архара? К счастью, нет. Даже у овцы с голубой шерстью ягненок родился совершенно здоровый. Дядя Турабек с помощью Кучкара скрупулезно осмотрел архарчат на третий день после их появления на свет, проверил глаза, мордочки, ножки, каждый сантиметр шкурки и все сведения записал в толстую тетрадку. И написал об этом в письме профессору. Словом, Кучкар в курсе всех подробностей их совместного эксперимента. Понадобится — расскажет и экскурсантам.

Кстати, если в тот злополучный день Маллабай не пришел бы в школу в новой ушанке, может, никому и в голову не пришло бы дразнить его «альбиносом». Видели бы, как гордо вошел он в тот день в класс, какой важный был. Кучкар даже усмехнулся про себя: додумался тоже, ушанка была из светло-голубого каракуля, в тон его белесым ресницам. Явно сшита из шкурки ущербного ягненка.

— Всего-навсего альбинос...— Кучкар и сам не заметил, как вылетело у него это слово. А Эшджан услышал и подхватил...

— Я и сам проведу экскурсию,— сказал Кучкар.

Кузибай же в ответ только хмыкнул. Шел мелкий колючий дождь, и им обоим было не до разговоров.

Интересно, кто придумал выходной день? Уж во всяком случае, спасибо отцу того человека. Никто в этот день не стоит у тебя над душой, не теребит — «давай быстрее», «опаздываем», «скорей-скорей». И тревожиться не надо: успеешь ли на уроки, спросят ли тебя, не вызовут ли к доске. Спишь, сколько влезет, встаешь, когда захочешь. Однако почему никого нет дома? Где Кузибай? Кучкар приподнял голову. Место брата почему-то пусто. Вскочив, он подбежал к окну. Кругом все белым-бело, даже мурашки пробежали по телу. Вчера еще была осень, а сегодня уже зима. Вчера еще на склоне горы цвел подснежник, а сегодня его, наверное, снегом укрыло. Не замерзнет ли цветок? Кучкару даже зябко стало. Опомнившись, что стоит у

окна раздетым, он начал второпях одеваться. Интересно, как себя чувствуют ягнята архара?

Кучкар выскочил во двор. И кого же он увидел? Конечно же, Эшджана! И в такую-то погоду! Что это он здесь потерял? Овцы в кошаре, и отец с Кузибаем носят им сено. А он...

— Привет, Кучкар!

Что еще за «привет»? Брат его старший так здоровается, поднеся руку к виску. В армии научился. А может Эшджан специально явился сюда, чтобы показать этот свой фокус? Да и на голове у него серая ушанка, в которой брат его приехал из армии. И уши не торчат, как лопухи, скрыты под шапкой. Видны только черные глаза и белые зубы, открытые в широкой улыбке.

— Ну что, покажешь?— нетерпеливо спросил он, когда они привязывали его осла.

Э-ха! Вот что, оказывается, принесло Эшджана ни свет ни заря. Он решил раньше всех увидеть ягнят, появившихся от архара. Вместе со всеми прийти на экскурсию, видно, не так интересно.

Когда два друга вошли в юрту, мать отгораживала место для маленьких архаров. Мальчики тоже помогли: отодвинули сундук, повесили кошму посередине, отделив таким образом для архарчат уголок.

Эшджан, увидев, наконец, детенышей архара, как-то сник: видно, ожидал увидеть нечто необычное... А теперь вот пожалел, что так далеко ехал.

— Всего лишь навсего ягнята, самые обыкновенные!— разочарованно произнес он.

Слова эти задела Кучкара: говорить так, все равно что черного осла назвать мерином.

— У тебя глаза есть? Разве вот он похож на обыкновенного ягненка?— спросил он, взяв на руки одного из ягнят.— Ты посмотри на его уши, посмотри как следует!

Эшджан послушно посмотрел на уши и согласился, что у архарчонка совсем не такие уши, какие бывают у обыкновенных ягнят. У тех уши висят, как лопухи, а у этого, словно срезанный камыш.

— Ты посмотри на его глаза, какие у него глаза?— продолжал Кучкар.— Разве бывают такие глаза у ягненка?

— В самом деле, в глазах какая-то тревога, что ли?— засомневался Эшджан.

— А рожки какие, рожки?— не унимался Кучкар.

— Вай-вай, уже и рожки появились!— удивился Эшджан.

— А какой он высокий, роста какого!— настаивал Кучкар.— Где ты видел таких крупных ягнят! Ты в животных-то разбираешься? А еще сын чабана!

Эшджан уехал обескураженный. А наутро, едва Кучкар вошел в класс, он сразу увидел приятеля. Окруженный ребятами, Эшджан с жаром рассказывал им о необыкновенных ягнятах.

— И рога у них есть,— размахивал он руками, показывая, какие рога у ягнят.— И изогнутые, как сабли, ведь отец их архар!

Первым Кучкара заметил Маллабай. Преградив ему дорогу и, как обычно, искоса взглянув на него, тот произнес:

— Быстрее бы весна пришла, пошли бы к вам на экскурсию вместе с учителем природоведения.

К нему присоединились ребята, сгрудившиеся вокруг Эшджана. А тот, приподняв руку, крикнул Кучкару:

— При-вет!

«Быстрее бы весна»,— все еще звучал в ушах Кучкара по-девичьи мягкий голос Маллабая. Кучкар хотел было даже сказать Маллабаю, что весна уже пришла. Ведь он своими глазами видел, что подснежники расцвели на склоне горы, прямо за поворотом к их дому. Вот жаль только, что под снегом теперь остались. Может, пощадит их мороз? Как отец говорит, снег для зеленых ростков — это теплое одеяло. Пригрело бы солнышко, сошел бы снег, и тогда он обязательно отыскал бы подснежники. И на экскурсию, наконец, пришли бы к ним ребята...

Но когда они с Кузибаем подъехали к дому, пришлось забыть и о подснежниках, и об экскурсии. Не успели они свернуть на тропинку, ведущую к дому, как у поворота встретил их Олапар. Радостно подпрыгивая, скуля и повизгивая, он так и ластился к Кучкару, будто приветствуя его с благополучным возвращением домой.

— Что это с ним?— удивился Кузибай.

И на самом деле что-то, видно, произошло: громко, встревоженно кричали бараны и овцы в загоне, им жалобно вторили ягнята. Заметив это, Кузибай подстегнул черного осла, чтобы прибавил ходу.

Едва они подъехали к изгороди, как Кучкар срыг-

нул с седла и бросился в юрту. Приподнял войлочную загородку и застыл на месте: юрта была полна ягнят.

Ну прямо как в яслях! Черные, коричневые, сизые, светлые, аж в глазах зарябило! И все жалобно кричат. А вон и архарчата в углу, перегороженном сундуком.

— Ну, хорошо хоть на ноги встали,— прошептал Кучкар и попятился назад, прикрывая за собой войлочную дверь.

Мама, оказывается, дома. Держит в руках черного ягненка и обтирает его мордочку махровым полотенцем. Здесь тоже полно ягнят. Они только родились на свет, еще и обсохнуть как следует не успели. Поэтому в чугунной печке весело потрескивают дрова, а на ней стоит чайник, позванивая своей железной крышкой.

Обычно во время окота на помощь к ним приезжали из совхоза. Но в этом году отец отказался от помощи: «Свои сыновья подросли, они и помогут!» Ну, а раз так, то надо оправдать доверие отца. Кузибай, на ходу жуя лепешку, которую дал ему братишка, отправился на осле к ущелью за отарой. Кучкар же остался дома. Загнал в овчарню овец, будораживших своим бляньем всю округу. Побежал за сеном к скирдам и тут заметил отца верхом на саврасом, рысцой трусившем к дому. Вслед за ним бежали, громко бляя, две овцы. А ягнята у отца за пазухой отогреваются: оба борта его чапана оттопырены в стороны.

Кучкар бросил вилы и заспешил к отцу.

— Вот, нашел их в зарослях,— сказал отец, вынимая ягнят из-за пазухи и протягивая Кучкару.— Кажется, залежались на снегу.

— Сейчас отогреются!— взяв черных, как смоль, ягнят, Кучкар побежал в дом.

Сразу же после отца вернулся Кузибай и опять исчез. Потом отец. Так и снуют весь день туда-сюда, в степь и назад. И хотя на земле снег лежит, но не очень холодно. По словам отца, чилла уже миновала. Поэтому за ягнят можно особенно не волноваться, не померзнут. Хотя сам же он и волнуется: хорошо ли греет печка, натаскали ли сена, открыт ли дымоход. Но вот, что такое «чилла»? Спросил у отца. Тот ответил: «Чилла есть чилла. Летом — это сорок самых жарких дней, а зимой — сорок самых холодных дней». Вот так просто, оказывается, и все в этом мире имеет свой счет. Только вот у его матери дел — нет числа. Поэтому она и крутится с раннего утра и до позднего вечера. Сейчас —

вытирает, сушит ягнят, поит их молоком, одним словом, хлопочет. Когда же в дверь, чуть пригнувшись, вошел отец, она побежала к очагу готовить ужин.

— Хорманг, не уставайте, повитуха-биби!

— Будьте здоровы,— ответила мама, ловко нарезая лапшу.— Рука у вас легкая, акушер-бобо! Все ягнята целехоньки!

Кучкару стало смешно от разговора взрослых. Почему это вдруг они друг друга так называют?

4. НЕОЖИДАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Наконец-то наступил этот долгожданный день. Еще из седла Кучкар, не дав брату рта раскрыть, закричал: — Мама! Завтра к нам на экскурсию придут!

Радость переполняла Кучкара. Еще бы, где это видано, чтобы к ученику домой экскурсии приходили?! Об этом и в газетах могут написать! И аксакалы-чабаны, глядя ему вслед, будут говорить: «Вот этот мальчик сделал важное научное открытие».

— Как экскурсия, куда? В кочевье, что ли?— всплеснула руками мать.

Когда они с Кузибаем объяснили в чем дело, она совсем растерялась.

— Вай-вай! Бедная я! И учителя тоже придут?

Станный все-таки человек его мать. Абсолютно все она встречает криком «вай-вай»! Ну что с того, что к ним придут? На детенышей архара придут смотреть, а дядя Турабек расскажет об опыте. Придут и уйдут — вот и все дела!

— Придут и уйдут и даже не присядут?— засомневалась мать.

— А что, мы свадьбу что ли затеваем?— вмешался отец.

— Ах, оставьте вы!.. Чтобы потом позор на нашу голову лег: были в доме Бабамурада-палвана и вернулись,— даже крошки хлеба во рту не держали. Чтобы потом слава пошла о нас?

— Ну ладно, поступай как знаешь, а я буду с отарой,— не стал спорить отец и вывел из конюшни своего скакуна.

— Вассалом!— произнес Кучкар, не отрывая взгляда от отца, тянувшего за собой на узде саврасого.

— Что это еще за «вассалом», вай!— прикрикнула на него мать и скрылась на кухне.

— «Вассалом»?

Кучкар не обиделся на мать, а напротив, ему стало смешно. Тихонько приоткрыв дверь, он украдкой заглянул на кухню. Мать уже просеивала муку через сито.

— Завтра и узнаете, что значит «вассалом»,— сказал Кучкар и был таков!

Весенние каникулы начались для Кучкара с того, что он проспал. И Кузибай, не разбудив его, уехал один. «Блаженство навруза, его изюминка — в самсе с зеленью,— говорил недавно отец.— Когда кушаешь самсу с начинкой из зелени, чувствуешь в себе обновление и на душе у тебя — весна!». Кузибай, услышав это, начал упрашивать мать: «Сделайте, пожалуйста, самсу с зеленью». «Пичак, пичак»!— поддержал его Кучкар, подпрыгивая на месте. Мать, хотя и других дел у нее, как всегда, по горло, согласилась. Но поставила условие: «Сыновья должны встать рано утром и пойти за мятой и травой исмалак». Они согласились. Но Кузибай рано утром сам потихоньку сбежал к роднику.

Когда он вернулся, Кучкар начал выпытывать у него, почему он его не разбудил. Тогда Кузибай, чтобы отвязаться, придумал на ходу: «Ты не проснешься, хоть из пушки у тебя под ухом пали!» Неправда! Просто Кузибаю одному захотелось верхом на ишаке покататься!

Это было вчера, а сегодня Кучкар проснулся раньше Кузибая. Откинув одеяло, он разом вскочил. Взял со спинки стула цветастый свитер, натянул синие с прострочкой брюки и осторожно выскользнул в переднюю. Обулся в сапоги Кузибая: свои ботинки он вчера смазал кремом, чтобы лучше выглядеть перед экскурсантами.

Склоны гор еще были окутаны предрассветными сумерками, вершины их едва наметились. Но птицы уже проснулись, и их веселые трели в ожидании восхода солнца заполняли всю округу. Со стороны скирды, из-за домов, слышалась возня. Это Олапар, Арлан и Тарлан едят из мисок. То спокойно, то нетерпеливо блеют овцы. А во дворе уже кипит работа. Отец выводит из овчарни овец, а мать их доит. Слышно, как молоко струйками звякает о подойник.

Кучкар, не умываясь, побежал к крайнему загону и успокоился только, когда увидел архарчат на месте. Испугавшись топота, они стояли, прижавшись каждый к своей матери. А узнав мальчика, они опять вскочили

и беспорядочно запрыгали. Кучкар нарвал зеленой травы вокруг загона и просунул ее осторожно за перегородку. Но травку, предназначенную малышам, съели овцы. Кучкар и этому был рад: ведь трава превратится в молоко опять-таки для детенышей.

Кучкар побежал было еще нарвать травы, но его позвал отец.

— Лаббай!— отозвался сын.

Слова отца тонули в шуме овечьих голосов, однако Кучкар с трудом, но все же понял поручение. Выпустил овец из загона. Архарчата тоже устремились было вслед, но он закрыл дверь прямо перед их носом.

— Сегодня вы экспонаты,— заметил он, наматывая проволоку на гвоздь в двери.— Сегодня к нам вся школа придет. И чтобы у вас в мыслях не было надежды на побег. Ребята должны с уважением глядеть на вас: вот, мол, какие ручные архарчата. Не подводите меня, хорошо?— предупредил Кучкар своих архарчат, наполняя кормушки травой, а поилки водой.

Уголок за перегородкой на кухне сиротливо опустел. В очаге полыхал огонь. На нем казан, полный молока. А из комнаты доносится «ду-дук-дук». Видно, мама уже и тесто замесила и начала лепить лепешки. Когда он, бывает, пристает к ней с какой-нибудь просьбой, мать отмахивается: «У меня не десять рук!» Ну, а сколько же, если не десять?!

— И-я, Кузибай-то проснулся, оказывается! Отцу помогает. Погоди-ка...— И, посмотрев на ноги брата, Кучкар ахнул, Кузибай красовался в вычищенных ботинках брата.— Хей-хей, а ну, снимай! Снимай мои ботинки!

И он побежал вдогонку за братом.

— А ты сам почему надел мои сапоги?— возразил Кузибай и, сначала поддавшись ему, стал убегать. За ними увязался Олапар. И Тарлан было тоже бросился за ними с добродушным рычаньем, но тут же растянулся на земле и стал лениво наблюдать за бегущими.

Кучкар, поняв, что брата ему не догнать, скинул пудовые, на босу ногу надетые, сапоги:

— Эй, возьми свои сапоги!

— Вот тебе твои ботинки!— отозвался Кузибай.

Взяв их в руки и осмотрев, Кучкар со слезами в голосе сказал:

— Ты их испортил!

С вечера он их намазал кремом, почистил специаль-

но для сегодняшнего торжества, а Кузибай надел и тотчас выпачкал в грязи.

Дома он увидел Турабека, приехавшего на мотоцикле. Хорошо ему: захотел — остался у себя в доме, на центральной усадьбе, захотел — приехал сюда. Но ничего, мать задумала «не позже этой зимы сделать Турабека с двумя головами и четырьмя ногами, надеть на него путы».

Одного не может понять Кучкар: ну для чего человеку в путах нужны толстые матрацы с бархатными чехлами, стеганые одеяла и курпачи из атласа, пуховые подушки? Мать сейчас все свое свободное время тратит на Турабека: стегает ему одеяла и матрацы.

— Тренируешься на руках ходить? — осведомился в ответ на его приветствие Турабек.

Кучкар отрицательно покачал головой.

— Ах, у вас так много дел, что некогда и обуться?

Кучкар взглянул на себя и рассмеялся: ботинки-то он и в самом деле на руки надел. А дел у него действительно много. В первую очередь нужно опять почистить ботинки. Потом снова нарвать травы для архарчат. Вычистить загон. А кто, как не он, доставит завтрак отцу и Кузибаю? Да и сам еще не успел перекусить. Глянув на дорогу, Кучкар побежал в дом.

Все он успел выполнить до прихода экскурсантов. Даже пионерский галстук повязал на шею. И только сел завтракать, как напротив дома на пригорке показался велосипедист.

— Кто это может быть? — спросил Турабек, пристально вглядываясь вдаль.

Кучкар с нетерпением вскочил с места. Оказалось, приехал Эшджан. Прислонив свой велосипед к забору, он, не отдышавшись как следует, выпалил:

— Я первый, да?

На раскрасневшемся лице блестели глаза, ноздри широко раздувались. Зараженный его азартом, Кучкар всплеснул руками:

— Нет, ты второй!

— Альби... — Эшджан наклонился и, показывая взглядом на мотоцикл, спросил: — Маллабай, да?

Кучкар отрицательно покачал головой.

— Ну, говори, кто первый? — нетерпеливо спросил Эшджан.

Кучкар, гордо ткнув себя в грудь указательным пальцем, торжественно произнес:

— Разве ты не видишь, кто?

Весело рассмеявшись, они вошли в дом.

Все ребята, оказывается, должны были приехать на велосипедах, а Маллабай — на мотоцикле. Отцовский мотоцикл с коляской в основном он водит. Поэтому Эшджан, увидев у них во дворе «Урал», решил, что Маллабай уже здесь.

Когда дастархан убрали и ребята вышли во двор, на склоне горы показались велосипедисты. Эшджан, как обычно, оказался человеком невыдержанным. Подбросив вверх шапку, он закричал: «Ур-ра!» Даже мама, услышав крики, выглянула из юрты. Один только Турабек остался невозмутимым: скрестив руки на груди, он молча стоял в дверях. Маленький он, что ли, прыгать до неба?

Впереди всех ехал учитель природоведения Баракаев. За ним два ровных ряда велосипедистов, всего около ста человек. Когда, наконец, показался хвост колонны, из-за поворота вынырнул мотоцикл с коляской и тремя мальчишками.

— Это же Маллабай!— воскликнул Эшджан.

Но вот экскурсанты прибыли на место, сложили свои велосипеды, мотоцикл пристроили рядом с другим мотоциклом.

— Отряд, в колонну по четыре стройся!— скомандовал Баракаев.

Все знают, что он офицер запаса и любит дисциплину. Встать тоже в ряд или оставаться рядом с дядей, засомневался Кучкар: все-таки он хозяин, встречает гостей... Наверное, должен повести отряд к загону, показать?

— Буранов, команда и вас касается!— напомнил ему Баракаев.

Не успел Кучкар занять свое место в ряду, как вновь раздалась команда:

— Эшджан, два шага вперед!

Тот вышел.

— Где должен был собраться отряд?

Эшджан растерянно захлопал глазами.

— Мы ждали вас в кишлаке. Столько человек — вас одного...

Эшджан покраснел.

— Я... я хотел помочь Кучкару.

— Чтобы больше не было никакой самостоятельности!— оборвал Баракаев.— Вассалом!

Кучкар повторил про себя «вассалом» и перевел взгляд на мать, стоящую у дверей и ласково глядевшую на ребят. Мать понимающе улыбнулась.

— Дорогой учитель, добро пожаловать!— обратилась она к Баракаеву.

Тот, уже шагавший во главе колонны рядом с Турабеком, обернулся. И все остальные с ним остановились и обернулись.

— Чай готов. Вошли бы сначала в дом и выпили бы по пиале...

— Спасибо, тетя!

— За что спасибо, малимджан?

И то правда: мать спозаранку хлопочет, готовится гостей встречать, лепешки испекла, молоко вскипятила. И для горячего блюда уже все приготовила. И все понапрасну?!

— Располнеем, если каждый час будем пить чай с лепешками!— Баракаев с улыбкой сложил руки на животе.

Кучкар с почтением окинул взглядом стройную, крепкую, словно туго сплетенный канат, фигуру учителя. Правильно, если кушать все время, никакой велосипед не выдержит, подумал Кучкар. Тогда не велосипед тебя, а ты велосипед на себе носить будешь. Так говорит Баракаев ребятам, у которых рот не устает жевать. А сам учитель был, оказывается, чемпионом в велогонках, когда еще учился в институте.

— Малимджан,— продолжала свои уговоры мать,— раз уж пришли к сыну...

«Ну почему «к сыну»? Они же из-за архарчат пришли!»— подумал Кучкар, почувствовав неловкость перед ребятами.

— Спасибо вам. Хотим еще к Бутакозу подняться.

— Ну, дорогой учитель...

— Янга!— вмешался Турабек.— Они не уйдут без чая, вы только все приготовьте!

Ожидавшие конца переговоров, завязавшихся между взрослыми, ребята после этих слов сорвались с места и побежали к загону. И тут произошло неожиданное: никогда не выдавшие столько народу, ягнята испуганно бросились в дальнюю сторону загона так, что перегородка не выдержала и рухнула. Поднялся шум, пока Турабек не пришел первым в себя в этой неразберихе и не крикнул: «Догоняйте!». А все потомство

архаря в это время быстрее ветра летело к зарослям, что начинались недалеко от загона.

Ребята ринулись вдогонку за ягнятами. Впереди всех бежал Баракаев, Турабек же, который бросился было со всеми догонять, быстро отстал и только наблюдал издали за бегущими. Впрочем, ребята скоро скрылись в зарослях у подножья горы, и теперь были слышны только их голоса. «Разбредутся, наверное, ягнята по горам!»— думал Кучкар, пробираясь среди кустарников. Да уж, действительно, никогда у них в школе не было такой экскурсии.

Часть ребят уже добралась до вершины, а часть еще карабкалась вниз, на склоне. Кучкар остановился, перевел дыхание и огляделся. Несколько человек подходили к нему с разных сторон. Лица у всех покраснелись, а на губах играли довольные улыбки. Они весело перекликались между собой и успевали даже спорить на ходу.

— Это же детеныши дикого архаря, так они тебе и дались в руки!— с жаром говорил Эшджан.

— Они же совсем еще маленькие. Далеко не уйдут от своих матерей,— возражал Маллабай. Стекла его очков ярко сверкали в лучах солнца, бьющих прямо в лицо.

Слова Маллабая вселили уверенность в Кучкара. И правда, архарчатам еще и двух месяцев не исполнилось, далеко не убегут. Собрав силы, он прибавил шагу: неловко отставать от других, ведь это же его родные места!

Увидев Баракаева, который, стоя на вершине, осматривал окрестности, он вдруг забеспокоился:

— Товарищ учитель, не видно?— закричал он.

— Что-то не видно.

Как это, не видно? У Кучкара сжалось сердце. Тяжело дыша, он, наконец, поднялся на вершину и встал рядом с Баракаевым. На самом деле, кругом ничего не видно, кроме зелени. Легонько покачиваются от ветерка стебельки цветов. Над ними весело летают жаворонки. И только его дорогих архарчат нигде не видно.

— Жаль, убежали,— с сожалением покачал головой Эшджан.

— Никуда они не убежали!— возразил ему Кучкар.— Они вон за той каменной глыбой!

— И вправду они там!— сказал Маллабай, сверкая стеклами очков.— Пасутся себе преспокойно в тени.

После этих слов к Кучкару опять вернулась надежда. Он даже представил себе, как его ягнята, сытые, отдыхают за теми каменными громадами.

— Тихо, только не вспугните их,— предупредил Баракаев:— Кучкар, Эшджан, Михли, Халима, Карима, вы пойдете с этой стороны, а мы — с другой. Окружим, внезапно накроем их, и вассалом!

Кучкар невольно повторил за ним «вассалом». Он уже отчетливо представил, как хватает ягнят за задние ноги. И опять ребята под предводительством учителя природоведения двинулись в окружающую к огромным валунам, испещренным тысячами морщин.

Вот, наконец, кольцо соединилось. Однако тех, кого они искали, не оказалось... Кучкар поник, как человек, у которого из рук выпал арбуз. Может?.. Тут его догадку вслух высказал Баракаев, который, поднявшись на самый большой камень, оглядывал местность:

— У ручья они, никуда не ушли!

Конечно, учитель прав. Куда же им еще было деваться, подумал Кучкар.

Группа ребят, возглавляемая Кучкаром, спустилась и пошла по одному берегу ручья. Остальные, растянувшись цепочкой, стали подниматься вверх по другому его берегу. По пути тщательно осматривали каждый кустик в зарослях. Ни пяди не пропускали не осмотрев. Но беглецов нигде не было видно.

Что же предпринять дальше? Кучкар невольно вскинул голову, увидев перед собой исполинскую орешину. Открытый всем ветрам, великан стоял, погруженный в молчание. Из-под его толстых корней клокоча выбивался родник, над родником вилась легкая дымка.

Разбежавшиеся было в разные стороны, ребята постепенно стали собираться. На безмолвный вопрос Кучкара они лишь отрицательно качали головами. Усталые, они жадно пили из родника студеную воду.

— Пейте, вода эта целебная!— приговаривал Эшджан и снова опускал свой подбородок в воду.

— Да, ценнейшее лекарство!— улыбался Маллабай. Он сидел на корточках у самого источника. Зачерпнув пригоршню воды, он пил медленно, глоток за глотком, будто стараясь распробовать ее на вкус.

Кучкар вспомнил про Азиза Нуриевича, и ему стало грустно. Разве «большой учитель» не предупреждал его, чтобы он глаз не спускал с ягнят? И Кучкар, окончательно расстроившись, часто замигал глазами... Они

ведь еще совсем маленькие. Скоро солнце сядет, стемнеет. Заблудятся они, не найдут дорогу домой. И тогда какой-нибудь голодный волк... Нет, даже страшно подумать.

Шелестит листьями древняя орешина. На самой нижней ветке, наклоненной почти до земли, трепещут на ветру лоскутки. Бутакоз продолжает свое беспечное клочкотание. И ребята молча сидят вокруг озабоченного учителя. Где теперь искать пропавших ягнят?

5. В ПОИСКАХ СЛЕДА

В кошаре стало пусто и тоскливо. На душу Кучкара легла печаль. Покружившись по двору, он невольно возвратился к крайнему, теперь покосившемуся набок загону. Убежали четыре ягненка и пропали без следа. Кучкар чуть не плакал от досады.

Правда, перед отъездом Баракаев участливо предложил: «Если хочешь, организуем поисковую группу из самых проворных и находчивых ребят». Но мать возразила: «Не беспокойтесь, малимджан! Найдутся они, куда им деваться!» Ну да, найдутся, ждите. Кучкар бросился на траву, заплакал от собственного бессилия.

— Вай, вы только посмотрите на него!— появилась мать.— Разве такие взрослые парни, как ты, плачут? Да вернутся твои архары! Пошли наверняка за отарой.

Кучкар несколько успокоился, услышав эту неожиданную догадку. А ведь и верно, никому и в голову не пришло, что ягнята могли броситься разыскивать своих матерей. Пока они все шли вверх по ручью, архарчата спускались в противоположном направлении. Правильно...

— Вставай! Вытри-ка глаза и нос, вот так... И иди поешь, ведь голоден, наверное, с утра?

Это правда. Но пока мать не напомнила, сам он ничего не чувствовал. И уже стемнело, оказывается: в доме свет включили.

Утолив голод, Кучкар предался размышлениям. Вообразил, как эти пугливые ягнята, присосавшись к вымени своих матерей, тянут молоко. А тот, что покрупнее, с рожками, такой ненасытный! Кучкар невольно рассмеялся. Скоро должны пригнать их с пастбища: вот опять шуму наделают! Ему даже послышалось бляенье ягнят. Но куда он их теперь загонит, ведь забор скосочился. Кучкар, словно спохватившись, вскочил с ме-

ста. Зачем ждать отца, когда он и сам может починить. Он нашел топор, среди сложённых дров отобрал подходящие для кольев палки. Заострить их концы топором — привычное дело, сколько колышков обстругал он для привязи черного осла!

Но поднять ограду, вбить колья и привязать сетку оказалось делом непростым. Только поднимет он одну сторону ограды, как другая начинает сползать вниз. Кучкар один умаялся, но тут подъехал на мотоцикле Турабек.

— Ну что, поймали?— спросил он.

— Они, наверное, к отаре присоединились,— ответил Кучкар. Но про себя засомневался: «А если нет?»

Дядя однако нисколько в этом не усомнился и сразу взялся за дело.

— Дай-ка мне топор. Ты покрепче держи, плечом, плечом помогай.

Глядя, с каким азартом работает дядя, Кучкар и сам перестал сомневаться: ну где же им еще быть, как не со стадом! Конечно, рядом со своими матерями. В это время раздался звон колокольчика, висевшего на шее вожака отары.

— Идут!— радостно воскликнул Кучкар.

А звон колокольчика все ближе. И когда они проволокой привязывали дверь к ограде, появился Олапар. Он тяжело дышал, высунув язык. Набегался за день да и по своему дому, видно, соскучился.

Вместе с Олапаром Кучкар побежал на звук колокольчика. По его расчету отара должна быть совсем близко, уже прошла русло пересохшего ручья, потому что звонкое «дзинь-дзинь» раздаётся очень отчетливо. И вот из темноты вынырнул Гарлан. А через минуту показался и силуэт черного козла с колокольчиками. А вслед за ним слышался громкий топот сотен копыт и нестройный хор сопящих и блеющих овец и ягнят. Кучкар попытался разыскать своих архарчат, но в это время услышал голос Кузибая:

— Что ты встал на дороге, как жердь?

Поймав осла за повод, Кучкар торопливо спросил:

— Где они?

— Кто они?— переспросил Кузибай.

— Да детеныши архара:

— А я почему знаю! Они же здесь остались?

Кучкар подумал, что Кузибай, возможно, шутит. Отпустив повод, он подбежал к отцу, подгонявшему от-

бившихся от стада овец. Ему вдруг стало не по себе, он сердцем почуял, что Кузибай вовсе не шутит, а говорит правду. Кучкар нетерпеливо остановился.

— Что случилось?— спросил отец, поворачивая в его сторону коня.

Тут Кучкар, не выдержав, расплакался и сквозь слезы рассказал обо всем, что случилось днем. Отец выслушал его не перебивая. А в конце произнес:

— Жаль, придется краснеть перед домуллой.

Конечно, придется. «Большой учитель» знает, что эксперимент прошел удачно. Пообещал даже дяде Турабеку приехать и посмотреть на них, если появится возможность. А вдруг приедет?

Об этом подумал Кучкар, когда все собрались за дастарханом. На почетном месте, скрестив ноги, сидел отец. Он скинул с себя чапан, но все равно был одет тепло. Медленно отпивая чай из пиалы, он вдруг спросил:

— А до Бутакоза дошли?

Казалось, он дремал, прикрыв веки, но думал все же о пропавших ягнятах.

— Нужно было искать в Камаре и в Арчали.

— Одна дорога туда полдня!— нахмурила брови мама.

— А пещеру Праотца осмотрели?— продолжал спрашивать отец.

Кучкар удрученно мотнул головой: не подумал об этом, не догадались.

— Экскурсанты твои ни ягнят не смогли увидеть, ни рисунков в пещере. Что ж они все-таки видели?

Кучкар покосился на дядю, который лежал, глядя в потолок. Но почему же он раньше не слышал о наскальных рисунках в пещере? Если бы знал, сказал бы Баракаеву, и тот обязательно провел бы там экскурсию. Хотя в тот момент им было не до рисунков. Значит, когда они сидели под орешинной, беглецы скрывались совсем рядом, на расстоянии брошенного камня. Ну разве не обидно! С досады он даже шлепнул себя по лбу. Хотя какая от этого польза?

— Ну, не расстраивайся, сынок,— сказала мать.— Если Праотцу будет угодно, пропажа обязательно найдется.

Послушать мать, так все на этом свете легко и просто, вот и беглецы завтра на рассвете вернуться!..

Кучкар потянулся, сладко зевнул и пошел спать.

Наутро, едва открыв глаза, он бросился к загону. Но ягнят там не было, и загон по-прежнему оставался пустым.

Натягивая на ноги ботинки, Кучкар пробурчал себе под нос:

— «Найдутся, найдутся»... Где же они?

— Не смей так говорить, сынок! Если хочешь, чтобы тебе помогал дух предков, вспоминай о них только с благодарностью.

Кучкар уже оседлал своего ишака, когда мать, завернув в кушак лепешку, завязала его на поясе сына.

— Она поможет тебе в дороге, будет добрым спутником... Вай! Возвращайся быстрее, сынок!

Мать всему готова удивляться: молоко убежало — «вай», увидит в небе журавлей — тоже «вай». Но сейчас не успела еще сказать «будет тебе добрым спутником», как вошел Эшджан. На лице его было загадочное выражение, будто он знал что-то важное. Но когда он спросил Кучкара: «Нашлись?» — тот сник. Оказывается, ничего нового он не знает.

— Пойдем со мной на поиски.

— А польза будет от наших поисков? — спросил Эшджан. — Мой дед говорит, что они убежали по зову крови.

— И ты пришел мне это сказать? — насупился Кучкар. — По зову крови... Да иди ты отсюда!

Махнув хлыстиком, он тронул ишака, но тут его окликнул Эшджан:

— погоди, я с тобой!

— Зачем? Ведь ты же не веришь, что они найдутся, — Кучкар как бы нехотя остановился, но в душе, конечно, обрадовался.

Ребята поехали по маршруту, указанному вчера отцом. И опять их встретила пятнистая сорока. Не успели они появиться, как она расшумелась на всю округу. Может быть, поэтому они не встретили до самого Бутакоса ни одного живого существа, кроме прошуршавшего в прошлогодней листве ежа.

Они приблизились к орешине. По правде говоря, Кучкар был обижен на Праотца. Он не жалеет своего благословения, помогает чужим женщинам, исцеляет их от недугов, а своему прямому сородичу не хочет помочь. Он огляделся, в густых зарослях ему открылся вход в пещеру. Это, по-видимому, и есть последняя обитель его пращура. Говорят, там покоится его прах.

Кучкар спрыгнул с осла. За ним последовал при-
молкший Эшджан. Вокруг пещеры раньше было клад-
бище. Здесь хоронили всех из рода Праотца. Нехорошо
топтать их останки копытами осла. Кучкар пустил его
на травку и, осторожно ступая, направился к пещере.
Рассекая грудью высокие заросли, он пошел было на-
прямик, как вдруг увидел могильный холмик. Сердце
захолонуло, и он невольно попятился. Обернулся и уви-
дел, что Эшджан тоже остановился.

Нужно взять себя в руки, побороть слабость, а то
какой же он после этого смелый парень. Да и чего бо-
яться: ведь здесь покоится прах основателя их рода.

— Ассалом алейкум,— произнес Кучкар, почтитель-
но прижав руки к груди.

— Алайк...— услышал он ответ из глубины пещеры.

Кучкар понял это так: Праотец доволен, что потомок
пришел навестить его, поклониться его памяти, и пото-
му внял его приветствию. И тут он увидел знакомые
рога архара, не так давно лежавшего на пороге их
дома. Не поверив своим глазам, он даже пощупал их
руками. Они! Рога подстреленного дядей архара. Кто
же повесил их сюда — Турабек? А может отец или
мать? Ну вот, нашел о чем сейчас думать... Ведь есть
дела поважнее, ради чего он пришел сюда.

— Бобо...— неуверенно начал Кучкар, но, глянув
себе под ноги, замер в недоумении: повсюду, словно
горошинки, рассыпаны мелкие «орешки». И, по-видимо-
му, совсем недавно... На таком святом месте, ну как не
стыдно! Кучкар потрогал их — мягкие. Он опрометью
бросился назад.

— Э-э-эш!— громко позвал он друга.

Эшджан был неподалеку. Услышав друга, он одним
прыжком достиг зарослей и пошел напролом, продира-
ясь сквозь кусты.

— Нашлись?

Кучкар в ответ указал на «орешки»:

— Вот, смотри!

— Так это же овечьи.

— Ты понял, что это свежий, недавний помет?

— Может и так, но ведь...

— Что «но ведь?» Ты вчера хоть одну овцу здесь
встретил?

Эшджан покачал головой.

— А сегодня?

— Но ведь и твоих ягнят мы не встретили.

— Вчера утром ты сам видел, как они убегали в горы.

— Видел...

— Видел, значит. Так чей же это помет, если не их, не ягнят?

— Но ведь...

— Спорим?!— воскликнул Кучкар.

— Значит, они были совсем близко,— с сожалением покачал головой Эшджан.— Сам виноват, что не предложил вчера обыскать пещеру.

— В спешке в голову не пришло,— виновато ответил Кучкар.— И наскальные рисунки в пещере показал бы вам.

— Давай сегодня посмотрим!— загорелся Эшджан.— Пошли!

— Нет, надо идти по следу архаров.

— А мы быстренько, туда и назад!

— Темно там, свечи нужны, а у нас даже спичек нет.

— А нельзя обойтись?

— Не увидим ничего, это в самую глубь пещеры надо идти,— возразил Кучкар.

Он, правда, точно не знал, где расположены эти рисунки. Слышал только от дяди Турабека, что на каменных стенах пещеры изображены сцены охоты древних людей. Но надо было действительно продолжать искать ягнят.

— Тогда давай скажем Баракаеву.

— Конечно, скажем.

— И тогда у нас будет еще одна экскурсия. Ур-ра!

— Тихо! Не шуми,— Кучкар кивнул в сторону захоронения, над которым висели рога архара.

Эшджан затих.

— Ну что, в погоню?— предложил Кучкар.

— Пошли!

Перед тем как двинуться дальше, ребята решили обсудить свой маршрут. Оглядывая местность, Кучкар начал размышлять вслух:

— Переночевав в пещере Праотца, утром они вышли пощипать трагу. Но куда потом пошла?

— Ясно куда!

— Что тебе ясно?

— Во-первых, если твои исчезнувшие барашки настоящие наследники архара, то утром они должны были спуститься на водопой к роднику. А потом — в горы!

— В горы! Откуда тебе все известно?

— Дед сказал. Архары, оказывается, утром спускаются к ручью на водопой, а назад возвращаются той же тропой. И живут они высоко в горах, на вершинах, где не ступала нога человеческая. В молодости мой дед капканы расставлял на таких тропах. Понял?

— Я не спрашиваю тебя про капканы. Где теперь нам искать?

— Как где? А во-он там!— Эшджан указал рукой в сторону остроконечной вершины Кашкатага.— Там и поищем.

— Нет, не могли они так далеко уйти. Садись, поехали быстрее по их следам.

Когда они поднялись довольно высоко, Эшджан, будто сожалея, тяжело вздохнул.

— Что это ты?— повернулся к нему Кучкар.

— Жаль, что у нас нет овчарки. Она быстро бы взяла след.

— Взять взяла бы! Да вот навряд ли смогла бы догнать,— рассмеялся Кучкар.

— Догнала бы!

— Ни за что!

— Овчарка-то?

— Ты думаешь, ягнята дали бы себя догнать? Они — архары!

— Они пошли от архара, но это еще не значит, что они — архары!

— Спорим?— Кучкар, обернувшись, протянул руку.

— Спорю!— Эшджан пожал руку Кучкара.— На что будем спорить? Проспоришь — отдашь мне одного из архарчат.

— А если ты проиграешь — твой велосипед станет моим, идет?

— Договорились!

Сидя в седле, Кучкар пристально всматривался вдаль, не пропуская ни одного черного пятнышка.

Так постепенно они добрались до ущелья Камар, самого большого у подножья Кашкатага. Ступая по камням, они уже выходили из ущелья, когда Эшджан радостно воскликнул

— Нашел!

— Где?— в волнении обернулся Кучкар.

— Вот!— указал Эшджан на лежащий под ногами камень: там тоже был рассыпан помет.

— Я уж думал, что ты ягнят обнаружил,— сник Кучкар.

— Самое главное, мы со следа не сбились, значит, скоро их найдем!

— Найдем!— воспрянул духом Кучкар и дернул осла за узду.

Ему казалось, ягнята ждут их наверху и как только взберутся они на вершину, беглецы радостно бросятся им навстречу. Ведь он кормил их и поил и убирал в загоне.

Вот, наконец, они преодолели последнее препятствие, последний камень. В ноздри ударил знакомый запах арчовой рощи. Она начинается у самой вершины и спускается вниз по склону. Это и есть Арчали, о котором говорил отец. Вот и Қашкатаг. Стоит, вытянувшись, как в карауле, с непокрытой макушкой.

Когда они вошли в арчовую рощу, будто сумерки опустились. Ребята переглянулись.

— Где же они?

Кучкар бросился в одну сторону, потом — в другую. Вокруг тишина.

— Дай-ка мне кусок лепешки,— попросил Эшджан и опустился на камень.

Кучкар и забыл о лепешке, завернутой в кушак. И не успел Эшджан ему об этом напомнить, как у него засосало под ложечкой. Сколько ни дыши, а запахом арчи сыт не будешь. Вернувшись назад, он развернул кушак, расстелил его перед Эшджаном и разломил лепешку.

Перекусив и отдохнув, Эшджан повеселел, даже куврыкнулся пару раз на мягкой траве. Кучкар тоже с удовольствием повалился бы на зеленой траве, да мысль о беглецах не давала покоя. Он едва кусок хлеба приготовил, а глаза продолжали обшаривать рощу. Где же еще их искать? Ведь видели же они следы на тропе?

Вдруг сзади послышался едва уловимый шорох. Кучкар резко повернул голову, и его глаза встретились с парой других, карих, словно пуговки, глаз, внимательно его изучающих. Зверек, похожий на крупную кошку, был от него в двадцати-тридцати шагах. Голоден, видно, потому и не боится. Взмахнув хвостом, зверек нырнул в густую крону арчи.

«Должно быть, рысь»,— подумал Кучкар.

Эшджану, конечно, будет обидно, что он вовремя не подоспел к такому событию. Однако куда же он сам девался...

— Э-эш-джан!— громко позвал Кучкар, сложив ладонь трубочкой.

Притаившись за огромным, как мельничный жернов, камнем, тот что-то высматривал.

— Тихо,— повернулся он к Кучкару, прижав палец к губам.

Кучкар все же не утерпел и заглянул за камень: опять эта молодая рысь. Но за ней... Сердце мальчика готово было выпрыгнуть из груди: он увидел детенышей архара. Напротив рыси стоял, отважно наклонив голову с маленькими острыми рожками на лбу, самый крупный ягненок. А за ним, как за щитом,— трое ягнят поменьше. Куда двигалась рысь, в ту же сторону передвигался, готовый отразить ее атаку, ягненок.

Упершись одной рукой на валун, а другой судорожно нащупывая подходящий камень, Кучкар не сводил глаз с рыси.

— Сейчас прыгнет,— прошептал Эшджан.

Он сопел так, будто сам участвовал в бою, глаза его блестели, но что же они — так и останутся зрителями? Кучкара бросило в дрожь от волнения: рысь подбралась, готовясь к прыжку.

И тогда Кучкар с силой швырнул в нее камень. Не попал. Рысь отпрыгнула в сторону и бросилась в ущелье. А ягнята устремились вверх, в горы. Ребята кинулись вслед за ними. Но как они ни кричали, как ни звали, архарчата не останавливались. Они удалялись все дальше и дальше, легко и грациозно перепрыгивая через кустики и камни. Поняв, что все тщетно, что ягнят невозможно вернуть, Кучкар остановился.

— Сам же и прогнал их, бросив в них камень,— Эшджан хотел утешить друга, но получилось у него неловко.

Кучкар ничего не ответил, провожая взглядом едва заметные фигурки ягнят. Ушли архары...

Уставшие и подавленные, не проронив в дороге ни единого слова, они спустились с гор домой. Турабек стоял за домом и курил.

— Где же твои беглецы?— спросил он.

Кучкару стало совсем не по себе от его насмешливого тона. Сев на корточки, чтобы привязать к колышку осла, он не в силах был подняться.

— Ладно, брось расстраиваться!— услышал он над головой голос Турабека.— Я говорил сегодня по телефону с Азизом Нуриевичем...

После этих слов Кучкар превратился в слух. Неужели придет, что тогда?..

— Я рассказал ему про экскурсию и ее последствия...

Кучкар схватился за голову, лицо его сморщилось, как от боли. Он еле слышно спросил:

— Рассказали, да?

— Конечно. Да он все равно рано или поздно узнал бы об этой истории.

«Да, рано или поздно... Но ведь он собственными глазами видел ягнят. Они на вершине Кашкатага. Не растерялись, держатся все вместе. Если собрать побольше ребят, то их можно будет поймать...»

— Он так смеялся по телефону...

«Конечно, решил — маленький еще Кучкар, вот и не справился...»

— Профессор считает, что даже хорошо, что так именно произошло. Значит, в них кровь заговорила. Это зов крови!

— Что?

— Ну, отец же у них — дикий архар! Вот и дети в него пошли!..

— Да-да,— Кучкар поднялся, ободренный последними словами.

— На свободе, на лоне природы они будут расти быстрее и лучше, чем в неволе. До зимы может и случка произойти. А там, глядишь, и приплод появится. Стадо архаров разрастется, а эту цель мы и ставили перед собой.

— «Большой учитель» так считает? На природе... на воле?

— Без сомнения!

— Ур-ра!— Кучкар, как архар, подпрыгнул вверх и схватил в крепкие объятия Эшджана. Оба друга затеяли борьбу около Турабека. Выбежавшая из дома мать едва их утихомирила.

— Хай! Хватит вам: смотрите, как бы из игры пожара не вышло! Как вы меня напугали!

6. ВЫСТРЕЛ В АРЧОВОЙ РОЩЕ

Этого человека Кучкар видел второй раз. В первый раз он появился в их доме прошлой осенью, наутро после отъезда Азиза Нуриевича. Его привел дядя. Мать снова хлопотала над очагом. «Приготовленные для

«большого учителя» угощения предназначены, оказывается, для инспектора Раббимова»,— сказала она. Он сидел на почетном месте, там, где недавно сидел профессор, слушал рассказы дяди и смеялся.

— Говорите, сто рублей сунул в карман, чтобы штраф уплатить? Ох, и наивный человек этот ваш профессор! Ну, хоп! Чтобы на моем пути побольше встречалось подобных святых!— Рассмеявшись, он ударил ладонями по голенищам сапог.

Кучкар посмотрел на него с подозрением: странные слова он говорит.

— Значит, вот эти бутылки остались после его посещения?— продолжал смеяться Раббимов.

Ничего нет смешного, возмутился Кучкар. И Турака хорош: веселился с этим коротышкой. Обманул своего домуллу, который воспитал его, дал ему знания. И он сам, по примеру дяди, собирался стать зоотехником.

— Скажу обо всем отцу,— прошептал он.

Раббимов, кажется, услышал его слова: оборвав смех, взглянул на Турабека. Тот, оглядев Кучкара с головы до пят, нахмурился:

— Что-о?

Кучкар, не обращая внимания на окрики дяди, убежал из комнаты. И вот опять этот человек у них в доме.

— Поди-ка сюда, дружок!— позвал мальчика инспектор.

Кучкар настороженно взглянул на него. Круглые глазки Раббимова пьяно блестели.

— Поздравляю тебя с будущей невесткой!— улыбался он.

Кучкар почувствовал себя в неловком положении: тот пришел поздравить дядю Турабека. Свадьба-то назначена на субботу. Мать уже ездила в дом к невестке, подарила ей свадебные наряды.

— Спасибо,— пробормотал он.

— Дружок!— снова окликнул его инспектор.

Кучкар поморщился: ну какой он друг этому взрослому человеку. Друг его сидит напротив, пусть с ним и пьет...

— Твои архары, эх-хе, такие стали большие! Правда! Я вчера их видел. Один красавец забрался на камень и замер, как памятник.

После этой приятной вести Кучкар оттаял.

— У них скоро гон начнется, а к весне, глядишь,

приплод получим! Эх-хе! Считай, дружок, что ты пятилетку выполнил! Пополнится благодаря тебе стадо.

Раббимов поднял пналу, наполненную до краев прозрачной жидкостью.

— Мы выносим благодарность защитникам природы за их самоотверженный труд в спасении архаров, занесенных в Красную книгу. Спасибо вам, зоотехник, будущий ученый Турабек, спасибо вам, профессор Азиз Нуриевич, и в особенности хвала вам, наш юный друг пионер Кучкар!

— Ур-ра!— поддержал его тост Турабек.

Кучкар покраснел и вылетел из комнаты. Он понял, что над ним смеются.

— Не оставляйте, эй! Пейте до дна, друг!— доносились из комнаты.— Надо выпить за ваше счастье, дружок! Нашли вы себе подходящую пару, говоря по-старому, знатную, а по-современному выражаясь, перспективную...

Кучкар хотел было уйти: толкуют о каких-то непонятных вещах, неинтересно да и подслушивать нехорошо. Но услышав слова Тураки: «Говорят, избалованный росток», опять остановился. Интересно! Неужели та самая симпатичная девушка в белом халате и в белой шапочке, которая в их классе осматривала всех ребят, неужели она такая избалованная? Кучкар недоверчиво пожал плечами.

— Нужно и это вынести! Во-ой!— Раббимов издал звук, похожий на ржание лошади.— Тогда расти будете, дружок, вверх пойдете! Глядишь, и совхоз возьмете в свои руки!

— Вы будто сговорились со свояченицей, говорите то же самое, что и она.

— А как же, женщины в самый корень глядят!

Трудно все-таки понять взрослых. И только Кучкар снова собрался уходить, как из комнаты послышался громкий голос.

— Какие будут поручения, друг?— гудел Раббимов.— Говорите, не стесняйтесь! Деньги нужны? Мясо, дичь? Ради друга я готов на все, душу свою могу отдать!

— Спасибо. Давайте-ка поднимем...

— Поднимем, поднимем, друг! Только бессовестный человек вам откажет, прикажите — да я за вас... Хотите, на ваших столах будет полно дичи?

«Опять эта «дичь»? Чудные слова говорит этот инспектор».

— Вместо мороженого цыпленка будет вам жирный фазан, что бегаёт сейчас в тугаях! В качестве свадебного подарка!

— Спасибо вам, друг!

— Если этого мало, могу предложить вам мясо архаров. Они уже вес набрали, каждый потянет, наверное, больше трех пудов.

— Да ну?

— Не верите? Да я их вам одним выстрелом достану.

— Как же быть? Ведь Азиз Нуриевич может узнать...

— А зачем уважаемому домулле это знать?— со смешком возразил Раббимов.— Пусть думает, что они резвятся на воле. Для пользы науки. Э-эй, друг! Я хочу, чтобы вашу свадьбу все запомнили!

— Ладно, если вы считаете нужным. Эксперимент закончился...

— Балли-эй! Вот это я понимаю!— раздался пьяный возглас Раббимова.

«На охоту собрались?» Кучкара охватила внутренняя дрожь. Внезапно перед глазами встала арчовая роца, рысь с торчащими как камышинки, ушками и детеныш архара напротив нее, готовый отразить нападение. Тогда удалось спасти ягнят. Но как они устоят против вот этих?.. Они вооружены, они страшнее рыси! Как помочь малышам? Он один. Отец с Кузибаем в степи. И Эшджана нет... Может, спрятать патроны, высыпать из них заряды? Но они уже разобрали оружие, и дядя бросил патронташ рядом с собой на курпачи. Может, отвлечь их как-нибудь, крикнуть — «пожар», «землетрясение»!

Кучкар заметался в поисках выхода. Как спасти ягнят, которых он выходил? Над ними нависла опасность, им угрожает смерть... Волнение мешало найти разумное решение. Сказать матери?

— Пошли, друг!— раздался голос инспектора.

— Прямо сейчас?

— А почему бы и нет? Поволяемся на травке, насладимся покоем и блаженством Арчали.

— Хай, идем!

— А чтобы беседа была плавной, возьмем вот этого, покрепче, чтобы душу ублажать время от времени. И-их!

Кучкар опять заметался. Ну что может сделать мама? И тут у него родилось отчаянное решение. Стремглав он бросился в комнату, чуть не сбив с ног направляющегося к двери Раббимова.

— Не ходите!— закричал он, загораживая дверь.

Опешив от неожиданности, инспектор поднял на Кучкара глаза.

— П-почему?

— Нельзя!

Понимающе глянув на Турабека, инспектор ткнул пальцем в грудь Кучкара.

— Понятно,— засмеялся он, икая.— Нельзя так нельзя. Мы и сами понимаем. Это же была шутка. Ну и напугал ты нас, дружок! А подслушивать, между прочим, нехорошо...

— А зачем вы берете оружие?— растерянно спросил Кучкар.

— Оружие?— покосился на свой карабин инспектор.— А вдруг в Арчали на нас медведь нападет? Или барс?

Ну что тут было сказать? Кучкар не верил ни единому слову этого коротышки, но в то же время не знал, что возразить.

— Э-эх!— со злостью сжал он кулаки.

Кучкар бросился к матери. Она молча выслушала его сбивчивые слова и, казалось, тоже не знала, что предпринять. Когда Турабек уже выходил из дома, она негромко его окликнула:

— Деверек!

Турабек обернулся на пороге. Только сейчас Кучкар заметил, что лицо его словно залито красной краской, даже в волосах отражался красный отблеск. Наверное, это от заката.

— Не марали бы вы перед свадьбой свои руки в крови,— сказала мать осторожно.— Ведь грех это...

Дядя раздраженно взглянул на Кучкара.

— Какой грех, о чем вы?— хмуро переспросил он.

— Они ведь тоже живые существа, такие же, как дети человеческие...

— Да ничего мы не собираемся делать,— вдруг рассмеялся Турабек.— Прогуляемся до Арчали, у костра ночь проведем, на звезды посмотрим. Могу я погулять последние дни перед свадьбой?

Он круто повернулся и быстро зашагал вслед ухо-

дящему Раббимову. Мать вздохнула и печально покачала головой. А внутри у Кучкара все кипело.

— Все равно не дам им убить архаров!— крикнул он и выбежал из дома.

Он настиг их у самого ущелья. В сумерках были слышны звуки их голосов, треск сучьев под ногами. Вот и древняя орешина. Тихо перешептываются листья. Внизу журчит Бутакоз. Перепрыгивая с камня на камень, Кучкар перешел через ручей. Вдруг ему захотелось выпить воды из родника. Но лучше не останавливаться, не рисковать. В наступающей темноте легко потерять охотников из виду, да и самому недолго заблудиться.

Проходя мимо зарослей, Кучкар с опаской посмотрел туда, где должен быть вход в пещеру.

— Ассалом алейкум, Праотец!— прошептал он.

Поздоровался и почувствовал себя увереннее. Представил себе надгробие, на котором висят рога архара. Даже явственно увидел сидевшего у входа старика, очень похожего на деда-мороза, только одетого не в меховую шубу, а в простую белую одежду.

— Бобо,— попросил он,— не дайте погибнуть бедным животным. Напомните о совести и справедливости этому инспектору и Тураке...

Впереди замаячили силуэты Турабека и Раббимова. Кучкар, не сводя с них глаз, двигался след в след.

— В прошлую пятницу вернулся я домой поздно,— доносились медленные, с паузами, слова инспектора.— Потому что друзей, подобных вам, которые любят со мной на солнышке попробовать кислого молочка, у меня много. Шагнул во двор, а меня Биbihан встречает: глаз, оказывается, с дороги не сводила. «Что такое, Биbihан?»—«Вай, позор на наши головы!»—«Что случилось, объясни спокойней?» Оказывается, гости приехали из области, солидные люди. А дома ни грамма мяса. Потому что только утром уехали другие гости — со стороны тестя. Что делать? Поздно уже, лавки все закрыты. Просить? Соседи у нас просят, но мы — никогда. Не привыкли! Лучше лишние деньги потратить, чем достоинство свое потерять. Стою, ломаю голову в кладовке. Случайно поднимаю голову и вижу: целая дюжина дроф висит. Накануне, друг, добыча была богатая! А совсем из головы вылетело. Ну, взял парочку — прямо в казан бросил...

Приятели и не подозревали, что за ними следят.

Они были настолько увлечены своей беседой, что Кучкар, забывая о предосторожности, подходил совсем близко к дяде. Но когда на небе появился серебристый рожок месяца, он несколько отстал. А когда они поднялись из ущелья и вошли в арчовую рощу, Кучкар даже потерял их.

К счастью, они далеко не ушли. Войдя в рощу, он вскоре услышал голос Раббимова:

— Дружок, приготовьте, пожалуйста, из веток арчи шашлычные шампуры. И откупорьте бутылку, которая лежит в левой дорожной сумке. Одной пулей я на заре достану архара, который спустится с вершины на водопой. Здесь же на арче сделаю шашлык.

Кучкар осторожно обошел охотников и начал подниматься вверх по склону. Высоко над головой громоздились камни, а в расщелинах между ними пробились к солнцу тоненькие деревца с изогнутыми от ветра стволами. Лунный свет освещает их, согнутых, но не сломленных. С вершины в ущелье дул прохладный ветер. «Не далеко ли я ушел?» — обернулся Кучкар и посмотрел в сторону темнеющей внизу рощи. Оттуда донеслись грубые голоса, смех.

Кучкар лег на спину, потянулся на траве, проводил грустным взглядом лежащий на боку серебристый месяц: вот и он заходит. Ущелье погрузилось во мрак. А звезды на небе засверкали еще ярче. И в темноте стала видна узкая светлая полоска, протянувшаяся от Кашкатага до Камара. Опершись рукой на камень, Кучкар стал пристально всматриваться в тропинку, сбегавшую с вершины. По ней пойдет цепочка архаров на водопой. При мысли, что их жизнь зависит от него, Кучкара, мальчика бросило в дрожь.

Поднимаясь, он задел камень, и тот покатился по склону. В то же мгновение в роще раздался скрежет ватвора. Кучкар, прыгнув за камень, притаился.

— Что там? — слышался голос Турабека.

— Кабан, наверное, сопит «хур-хур...»

— Только весь кейф испортил, негодяй!

Кучкар представил себе коротенького инспектора в длинных охотничьих сапогах, который зубами вытаскивал пробку из горлышка бутылки, чтобы поскорее восстановить свой «кейф». Он усмехнулся, потом зевнул. Из рощи продолжали доноситься глухие голоса. Он еще раз зевнул. Сел, прислонившись к скале поудобнее. А перед глазами стоял все тот же инспектор. Тянет зуба-

ми пробку из бутылки, как пес, играющий с мячом, что перекачивается с боку на бок. Потом вдруг увидел себя купающимся. Вода прозрачная, как стекло. На дне сая — разноцветные камни. «Вай!» — кричит он от удивления. Как загорятся при виде их глаза одноклассников, даже Маллабай одобрительно улыбнется. Ему стало холодно, но все же он нырнул под воду, чтобы собрать эти жемчужно-белые, изумрудно-зеленые, красные, как рубин, камешки и удивить своих друзей! Но вода почему-то замутилась. Камней не видать, цвета их слились в одно светлое пятно. Жаль, как жаль! Он вынырнул из воды. И опять увидел камушки на дне сая, один краше другого. А от холода у него зуб на зуб не попадал.

Вдруг мальчику показалось, что кто-то зовет его. Оглянулся он на зов — и увидел на берегу сая голубого архаря. На огромном валуне стоял красивый, сильный, архар, гордо поводя своими рогами.

— Не удивляйся! — произнес все тот же голос.

И вдруг на берегу сая возник старец в белом одеянии. Он был бос, его правая рука лежала на загровке архаря, в левой он держал посох.

— Ты не пугайся, — сказал старец.

Глаза их встретились. И тут Кучкар онемел от неожиданности: если бы не шелковая, клинышком борода, старец — вылитый отец!

Да ведь это сам Праотец! «Большой учитель» был прав: гены и через тысячи лет могут проявиться...

— Возьми свое сокровище, — произнес старец. — Я спустил его с гор.

От волнения Кучкар потерял дар речи. А по тропе гуськом спускались архары, и не было видно конца их стаду. Не веря своим глазам, он протер их кулаком и взглянул опять на тропу...

На тропе и в самом деле стояли четыре архаря и, казалось, с удивлением разглядывали его.

— Вай, — вскочил с места мальчик, — а где же остальные? Праотец? Сай, разноцветные камни?! — Дрожая всем телом от холода, он огляделся.

Светало, и в небе распевали птицы. Кучкар пришел в себя и понял, что ему приснился сон. Вспомнив, зачем он здесь, он с тревогой оглянулся в сторону арчовой рощи. Там стояли архары. Его архары. Кучкар протянул руки и поманил их к себе. Они стали приближаться. «Зачем ты это делаешь?» «Гони их в горы!» — под-

сказал ему внутренний голос. И в то же время ему так хотелось их погладить... Еще два шага... Если не испугаются, значит, признали.

Кучкар встрепенулся: сзади раздался треск сучьев под ногами.

— Хайт!— взмахнул он руками и погнал архаров.— Кур-эй!

Но рогатый архар не сдвинулся с места. И вдруг раздался выстрел. Мальчику больно ударило в плечо. Животное, стоявшее напротив, испуганно метнулось в горы. Кучкар схватился за плечо. Пальцы его коснулись теплого и липкого. Отдернул руку — она была в крови. Только теперь он понял, что случилось. Понял, что пуля, предназначенная архарам, попала в него. Он испуганно закричал:

— Не стреляйте!..

Падая, Кучкар увидел на мгновение ущелье. В призрачной дали плыли архары, не касаясь копытами земли.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Рассказ

Взошло солнце, и ласковые его лучи стали пригревать зябко сложенные крылья. Наконец все тело охватило, обволокло теплом. Голубок хотел было распушить крылышки, сладко потянуться, но... не стал — передумал. И продолжал лежать в своем гнезде — довольно ветхом и ненадежном сооружении из нескольких прутьев, редко накиданных друг на друга. Гнездо примостилось на одной из шпалер виноградника. И хотя было оно не очень уютно, покидать его не хотелось.

Неизвестно, сколько времени голубок пребывал бы в блаженной дремоте, но стремительный полет какой-то птицы, пролетевшей над самой его головой, заставил его встрепенуться, с трудом разлепить сомкнутые дремой глаза.

Кто же это — так не вовремя!..

— Чир-чир! — щебетала ласточка, сидя на узеньком выступе, окаймлявшем портал айвана, что находился напротив виноградника.

— Чир-чир! — вторила ей другая ласточка, описывая круги возле айвана. Они с радостью начинали новый день и радушно здоровались с голубком. И голубок в ответ как можно приветливее кивнул несколько раз головой, воркуя на свой лад — дескать, добро пожаловать к нам!

Дом только-только отремонтировали. Прежнее гнездо на цоколе разрушили — даже следов от него не осталось. Ласточка встряхнула крыльями. Ничего, будет новое гнездо!

Голубок слегка повел клювом и с наслаждением втянул в себя воздух, а затем многозначительно покачал головой, как бы выражая тем самым благодарность

соседям — чете ласточек — за то, что из дальних стран, с гор, уходящих своими вершинами в поднебесье, с зеленых долин, волнующихся, точно море, на ветру лугов, принесли они на своих крыльях ароматы пурпурных тюльпанов, желтых эдельвейсов, голубых подснежников и лиловых фиалок, благоухание цветущих садов — свежее дыхание весны.

Ласточка, черная спинка которой только что виднелась под порталом айвана, вспорхнула и стрелой умчалась куда-то. Но очень скоро вернулась, неся в клюве комочек глины, прилепила его к притолоке и уступила место другой птице — скорее всего это был самец, так как его комочек был посolidнее.

«Могли бы и передохнуть после дороги,— неподвижно сидевший в своем гнезде голубок, лениво наблюдал за действиями соседей.— Совсем не знают отдыха... И куда так спешат, будто жизнь их проходит?..»

Пока он так размышлял, время от времени впадая в дрему, чета ласточек, точно играя в «догонялки», весело переговариваясь между собой, уже успела сделать многое... От их стремительных, «карусельных» полетов у голубка закружилась голова. Он устало прикрыл глаза и в тот же миг погрузился в сон.

Пробудился от того, что почувствовал сосущую пустоту в желудке. Окрыл глаза и... поразился. Прямо перед собой он увидел великолепное новое гнездо. За то время, что он сладко спал, соседи успели «поднять» стены своего будущего дома. И теперь умягчали его подобранной пушинкой, найденным клочком ваты.

— Неужели им не голодно?— голубок с недоумением уставился на ласточек, продолжавших без устали хлопотать у своего жилища.

Он осторожно выпростал сначала одно крыло, потом другое, лениво потянулся. И принялся не спеша чистить перышки. Потом горделиво осмотрел себя. Взгляд упал на ослепительно белые перья, что украшали его, и он вдруг издал странный звук — голубок самодовольно рассмеялся. Пусть не очень-то задаются эти черные, как уголь, чернушки! Пусть не очень много воображают о себе от того, что грудка у них белая. Разве его оперение не красиво? Ничуть нет!

Наверное, голубь смог бы в себе обнаружить еще немало достоинств, не заурчи его пустой, голодный желудок. Он нахохлился, замигал глазами. Как ни тяни, а что-то надо предпринимать!

И первое, что пришло в голову, был курятник в конце двора. Туда он и заспешил.

Соседи, между тем, кружась неустанной каруселью, продолжали вить гнездо.

Подлетев близко к курятнику, голубь увидел толстых белых кур, лежавших, словно шары надутые, на земле под солнышком, сытых, довольных собой. Петуха вот только что-то не видать. Ну да это на счастье голубя! Хоть совсем он пропади, этот петух, нисколько не пожалел бы его голубок. Настоящий урод, этот петух! И когда ни посмотришь — вечно злой, вечно тарашится на тебя своими глазами, будто уничтожить готов. А голос какой мерзкий! Сердце обмирает, когда петух вдруг закукарекает. Но куда он делся сейчас? Забрался, наверное, в клетку и лежит там...

Голубок мигом опустился на землю. Сел на приличном расстоянии от курятника, огляделся по сторонам: предосторожность никогда не повредит. Опасность ведь подстерегает на каждом шагу. Не будешь остерегаться — не заметишь, как крыльев лишишься.

Голубь тихонько засеменял к курятнику, то и дело поглядывая вокруг. За сеткой, прямо на земле, рассыпаны хлебные крошки, зерно — голубь еще издали заметил его.

«Хорошо живут куры, припеваючи, — с неприязнью думал голубь, не отрывая глаз от аппетитных крошек. — Зерно им сыпят под нос, вода перед ними в корытцах, только пейте-ешьте, заботятся о них хозяева. Откуда им знать, что такое голод, нужда? Холят-балуют их, — голубь тяжело вздохнул. — Вот бы превратиться в курицу — белую, упитанную. Тогда бы и от преследований лохматого кота избавился. Не велика беда, что пришлось бы жить за проволочной загородкой, в неволе. Зато спокойнее, безопаснее. И от бесконечной суеты, забот о хлебе насущном освободишься. Другие бы завидовали тебе. А ты бы пил-ел вдоволь, жил не тужил и беззаботно купался бы в пыли в свое удовольствие, вот как эти куры. Когда пусто в желудке — к чему широкое небо!

И опять, озираясь по сторонам, поеживаясь, голубь медленно двинулся по направлению к сетке. Но только было потянулся за крохой, что лежала поближе к загородке, откуда ни возьмись — воробей. Прямо перед носом взмыл, чирикнув, нечто вроде «чирр, чирр» — дескать, берегись. Голубь спешно взлетел. Но тревога ока-

залась ложной: обманул воробей. А добычу сам подхватил, злодей! И усевшись на ветку урючины, победно зачирикал — вот, мол, ротозей! Ну надо же — почти изо рта вынул, дрянной лгун! Да, не перевелись еще на свете негодяи, готовые чуть не из глотки твоей же кусок вырвать.

Немного успокоившись, голубь тихонько выглянул из-за густых веток персика. Самодовольные куры, с выпирающими от сытости зобами, все так же лежали на земле, время от времени подгребая под крылья нагретую солнцем земляную пыль. «Какие счастливицы!» — у голубя от зависти аж глазки загорелись.

Однако, если подумать, ему только на руку то, что куры лежат такие от всего отрешенные. Остатки с их «стола» щедро рассыпаны по земле, кое-что попало и по эту сторону загородки. Голубь еще раз высунулся из-за веток, предусмотрительно повертел головой и слетел вниз. Крадучись, дрожа всем телом, опять приблизился к курятнику. И только просунул голову через сетку за кукурузным зернышком, как увидел петуха — снова пришлось убраться назад. Боязно все же, лучше не связываться с этим грубияном. Хотя и сидит он в клетке, на шесте, но выпученные глазки, как всегда, зло поблескивают, и поведение его не предсказуемо. И на том спасибо, что не заметил ничего. Тоже, поди, сыт, вот и печали не знает. Вот и закукарекал потому во все горло. Ну теперь, кажется, можно свободно, ничего не боясь, и поклевать.

Голубь осмелел и решительно потянулся к сетке, стал поспешно собирать крошки и зерна.

А затем его внимание привлек очаг летней кухни. И там нашлось что подобрать, чем разговестись. Насытившись вдоволь, голубь совсем уже было намеревался отправиться к себе в гнездо, да взлетая, из любопытства заглянул в открытое окно большого дома и, что называется, напросился на приключение, которое чуть было не испортило весь сегодняшний, так неплохо начавшийся день.

Ведь не зря говорят — от сытости и прыткости и шалость.

И так, с сытым желудком, — а ведь в таких случаях резво не взлетишь, — сел он передохнуть на подоконник открытого окна — не удержался-таки. А раз уже сел, то решил, что и оглядеться бы недурно.

И узрел он в комнате на полу блюдце с молоком, а

в молоко накрошен ароматный свежий хлеб. Кусочки хлеба пропитались молоком, аж набрякли! Как можно равнодушно пройти мимо такой аппетитной, прямо для тебя приготовленной еды?! И хотя сыт уже давно, глаза-то голодные. Вот и захотелось проникнуть в комнату, клюнуть хотя бы разочек...

Огляделся — вокруг ни души, хозяев дома не видеть. А белые, набухшие от молока кусочки хлеба в заветном блюде словно бы приглашают — ну, попробуй, как это вкусно!

Голубь в нетерпении прошелся по оконной раме взад-вперед. Тишина. И тогда он отважился — нырнул в комнату.

И в самом деле вкусным был тот хлеб в блюде. Как будто не в молоко, а в сливки его покрошили! Вот и решил голубь не спеша, с наслаждением кроху за крохой склевать. Но не тут-то было: явившийся то ли из детской комнаты, то ли из гостиной лохматый кот прыгнул прямо на него. Но и на этот раз спасла голубя осторожность. Два пера из хвоста потерял, но сумел таки вырваться из лап кота. Второпях не рассчитал, ударился носом об оконное стекло! Стекло прозрачное, и через него так ясно видны урючины, виноградник, даже водопровод посреди двора. Но как выбраться туда?!

Пятнистый кот Барок замер у блюда и, наверное, с досады, что упустил добычу, зло мяукнул. Он уставился на голубя своими хищными глазищами, как на лакомый кусочек. Круглые, зеленоватые глаза так горят, так горят, аж сердце замирает!

Нет, кот не собирался сдавать позиции. Изловчившись, он сделал мощный прыжок.

Голубь замахал еще пуще крыльями, забился в беспомощной тоске о стекло. И, видно, столь был силен страх, что он, сложив крылья, рухнул на пол.

В ту же секунду кот слетел с подоконника вниз. А голубь встрепенулся, из последних сил взмыл и ринулся в соседнюю комнату, кот последовал за ним. Голубь то летал под самым потолком, то опускался к окнам — Барок неотступно следил за ним. Стоит сесть на кровать — кот тут как тут, на стол — проклятый Барок уже здесь. Поднялся шум: стакан, ваза — что-то рухнуло на пол и разбилось вдребезги, пиала с холодным чаем опрокинулась на скатерть. Ну хоть бы теперь отстал, злосчастный!

В доме ныль столбом, кругом пух, перья. Голубь

чувствовал, что силы его иссякают. Ни жив ни мертв, он с трудом добрался до окна. Почувствовал, что на этот раз лапки коснулись не скользкого стекла, а чего-то твердого. Собрав оставшиеся силы, он впился коготками в раму. От мысли, что вот-вот, сию минуту в его тело вонзятся острые когти пятнистого кота, сердце похолодело. Ну вот, что-то большое коснулось его перьев. Все, конец. Со страху голубь замер, ожидая самого худшего. Но нет, не вонзились в спину острые когти. Напротив, когда открыл глаза, ему почудилось, что сам бог его спас и держит в своих руках. Богом оказался хозяин дома.

— Ласточка найдет назад дорогу, даже в том случае, если влетела не через дверь, а через какую-нибудь дыру. А вот горляшки... этим ни за что самим не выбраться. Бестолковая птица, бедняжка!— хозяин жалостливо погладил голубя по спинке и выпустил в окно.

Что ж, пусть хозяин называет его бестолковым. Главное — помог спастись. И на том спасибо.

Вздохнув с облегчением, голубь опустил на ветку урючины, чтобы передохнуть, прежде чем отправиться в гнездо. Немного придя в себя, успокоившись, голубь выглянул из-за ветвей и тут встретился с взглядом того самого пройдохи воробья, который утром унес у него из-под носа добычу. Глаза у него юркие, хитрые. «Ну, как пировал в доме? Видно, на славу гостился? Только отчего ты такой всклокоченный?»— прочирикал скороговоркой воробей.

Нет, не может эта задира без того, чтобы не нагрубить, не съехидничать.

Вернувшись в свое гнездо на винограднике, голубь застал там свою горлицу. От радости он вмиг забыл обо всех злоключениях, и оба весело и нежно заворковали. Слава богу, день заканчивался без особых потерь.

Солнце село, оставив свой оранжевый след на горизонте, когда со стороны старого амбара, на другом конце двора, донесся шум. Скандалили воробьи, свившие там под крышей себе гнезда. Галдеть из-за пустяка — это у них в крови. Стоит им вместе собраться — без драки не обойдется. Наверное, какой-нибудь хулиган забрался в чужое гнездо. Вон, прогнали его. Один, чиркая, плачет, другой, деря глотку, ругается. Остальные разделились на два лагеря и схватились, кажется, на смерть.

Чета горляшек, прекратив миловаться, стала с интересом наблюдать за руганью соседей. Что еще нужно, когда, не сходя с места, можно посмотреть бесплатное зрелище? И они с удовольствием развлеклись.

Вай-вай, как заливается тот воробышек с черной полоской на шее. Изю всех сил вытягивается, выгибается, наверное, чувствует себя по меньшей мере петухом! А глазки-пуговицы его вот-вот из орбит вылезут.

— Кричи-кричи, не уставай!— указывая на него своей горлице, голубок издал булькающий звук — так он смеялся.— Да по мне, хоть убейте друг друга!— встряхнул он своими крыльями.

— Да ну их. Пускай-пускай!— скривилась горлица.— Не вздумай только вмешиваться в их драку — без головы останешься!

— И то правда,— согласился голубь, поглядывая на дерущихся.— Когда видишь, что на улице кто-то сцепился между собой — лучше уж сиди в своем гнезде, не высовывайся.

Так в бесконечном согласном ворковании они и не заметили, как стемнело. О том, что наступила ночь, горляшки поняли по тому, что вокруг все затихло; воробы, только что раздиравшие глотки, и те поутихли. В это время на айване включили свет, и пара ласточек — тут как тут, устроилась на электропроводке.

— О боже, эти не могут успокоиться даже ночью,— недовольно пробурчал голубь.

Его взгляд упал на портал дома. Гнездо, которое начали строить на портале ласточки, заметно выросло. Стенки не успели просохнуть, потому, может, и не идут хозяйева домой, а летают вокруг да около.

У горлика зачесался язык, и он, как можно вежливее, обратился к ним:

— Несмотря на темноту трудитесь? Ай да молодцы!

— Нет,— защebetала с проводки ласточка. Ее супруг, описывая круги на айване, ловил мотыльков, слетевшихся на свет.— Мы прервали работу, когда солнце село. Перекусили, поднявшись в вышину.

Голубь и его самка переглянулись.

— Ну и кто вас там ждал в такую темень? Что там забыли?— как ни старался он показаться благовоспитанным, из горла невольно вырвались неприятные нотки.

— Да, удел наш — высота, там мы добываем себе пропитание.

Ласточка только с виду щеголиха, а на деле, оказывается, простодушная — даже не заметила грубоватых ноток, прозвучавших в замечании голубя.

— Все ищут себе пищу на земле, эти же...

— Да-да, а мы — высоко в поднебесье, — зашебетала ласточка. — Потому что весь день мы проработали, а после захода солнца трудно на земле что-либо найти. Там же, в заоблачной выси, светло. Уходя за горизонт, солнце еще долго излучает свой свет в пространство. Да к тому же в вышине воздух несравнимо чище, свежее. Можно найти мошкарку на корм. Перекусишь слегка — и настроение поднимается, усталости как ни бывало, наоборот, чувствуешь себя взбодренным. Можно и порезвиться, поиграть в вечерней прохладе, с наслаждением полетать. Весь мир расстилается под вашими крыльями — любуйтесь, сколько вашей душе угодно! Выбирайте по желанию: белые, в цвету, сады или серебристую, причудливо изогнутую ленту реки!

Рассказ ласточки взволновал голубя, заставил громко забиться его сердечко. Шумящие, порожистые реки, зеленые холмы... Ах-ах! Вот бы тоже взлететь высоко-высоко в небо и оттуда поглядеть на землю!

— Возьмите меня с собой! Один... один... — от смущения его вдруг разобрала икота.

— Эй, ты что, с ума спятил? — нахохлилась его горлица. — С чего это вдруг тебе в небеса захотелось? Ну и лети, если хочешь умереть раньше времени! Только не думай, что я буду сопровождать тебя! Не из тех я «летунов», что готовы променять теплое гнездо неизвестно на что!

Однако, как ни выходила из себя горлица, как ни злословила, не смогла охладить затен самца. В ту ночь ему даже привиделось небо. Снилось ему, будто он путешествует, усевшись на облачко. И все пытается оттуда, с высоты, отыскать свой виноградник и свитое на нем родное гнездышко.

Пробудился ото сна, как всегда, от воробьиного гомона. И первое, что увидел — ласточки суетятся возле своего домика, работают, спешат закончить строительство.

Вспоминая свой сон, голубь задумчиво покачал головой. Когда снятся хорошие сны, весь день настроение приподнятое.

Он сладко потянулся. Кстати, супруга — мастерца разгадывать сны... «Ну-ка послушаем», — и он повернул

в сторону своей подруги. Но ее место пустовало. Она копалась в огороде в поисках пищи.

Голубь опять улегся в своем гнездышке. Стоило только закрыть глаза, как вновь увидел он себя на белом облаке. Но пустой желудок глуховатым урчаньем напомнил о себе. «Вот это уже хуже, когда внутри урчит и скребет. А так бы лежал себе с закрытыми глазами, погрузившись в мечты, и нет ничего лучше этого состояния».

Еще разок-другой сладко потянулся и решил, что пора вставать.

... Так проходил день за днем. Зацвел урюк, вслед за ним персики, яблоня, вишня. Сбросив цвет, деревья начали набирать плоды. В будничной суете, хлопотах о хлебе насущном голубь даже не заметил этого. И уже бодрящий весенний ветерок не распушит его оперения, не обдаст благодатной прохладой. О том, что наступила жара, можно судить по давным-давно готовому ласточкину гнезду, словно тандыр, крепко и надежно слепленному. Странные у них обычаи, у этих ласточек.

Наверное, они справляли новоселье. Собрались друзья, соседи. Встряхивая крыльями, каруселью носятся в воздухе друг за другом. Или, опустившись на землю, смешно перебирая лапками, вдруг пускаются в пляс. И, мало того, поднимают такой галдеж! Все эти шумные сборища отдают мешанством... Да и вообще, когда собирается большая компания, слишком много всяких мнений, один считает так, другой — эдак, всем не угодить. Один встречает тебя с распростертыми объятиями, другой норовит заклевать, а кто позлее — и запинать может, затоптать. Лучше уж быть подальше от всего этого, оставаться спокойно в своем гнездышке, тепленьком, насиженном месте. Сиди себе, тихонько воркуя со своей голубкой.

Спустя некоторое время после того новоселья ласточка-самка отложила яйца и вот уже безотлучно сидит в своем гнездовье. Того и гляди завтра-послезавтра вылупятся птенцы. Ох, тогда некуда будет деваться от визга-писка их детенышей! Под навесом — нахальные, горластые воробьи, здесь — прилизанные, благовоспитанные ласточки! Голова кругом пойдет от таких соседей!

Горлица — завидно, что ли, ей стало? — тоже отложила яйца. Одно яйцо по неуклюжести своей раздави-

ла. Другое выскользнуло в щель в гнезде — и вдребезги! Два яйца пока что целы. Ну, если дальше все будет благополучно — достаточно им и двух птенцов. Время сейчас сложное, и пока выкормишь-вырастишь, поставишь на ноги и летать научишь — сам выбьешься из сил.

Правда, супруга очень переживала из-за этих потерь. Еще бы, ведь не легко было ей снести яйца. И она долго плакала, нахохлившись. Взяв ее под свое крыло, он ласково заворковал: «Ну, разбились, что теперь поделаешь?» Утешал, как мог. Слава богу, горлица у него отходчивая. Быстро вняла его словам и скоро успокоилась. Вон мирно сидит в гнезде на яйцах.

Иногда голубь помогает своей подруге. Когда той хочется поесть, утолить жажду, он с готовностью занимает ее место в гнезде. Но если все будет хорошо, и на свет благополучно явятся птенцы, в глубине души, в самом ее укромном уголке затаил он одно заветное желание. И эту свою затаенную мечту он все-таки осуществит. Не обязательно объявлять о ней загодя. Тем более сейчас, когда горлица обременена таким важным делом, ей лучше пока ничего не знать. А не то ему не будет покоя от ее ворчанья.

Какие-то незнакомые, очень тонкие звуки с некоторых пор не дают ему покоя. Голубь покрутил головой и увидел — четыре желтых, широко открытых клюва, торчащих из гнезда ласточек. Ба, да ведь это их птенцы, неужели уже вылупились! Гляди-ка, обсохнуть еще не успели, а есть им уж подавай, пораскрывали свои рты, словно мешочки! Вон и мать-ласточка — не успела еще прийти в себя после появления их на свет, а уже взялась за работу. И откуда только у нее энергия берется!

В этот миг ласточка пролетела над виноградником. Приветливо махнула крылом и плавно опустилась на краешек своего гнезда. Каждому по очереди бросила в открытый клювик по мошке, накормила.

— Поздравляю вас с птенчиками! — проворковала появившаяся горлица.

— Спасибо! — с достоинством склонила голову ласточка.

— Слава богу, что все обошлось благополучно!

В ответ ласточка защебетала искренне и доброжелательно: «Желаю вам того же, пусть и у вас будет все хорошо!..»

Ее пожелание шло от всего сердца, и, быть может,

потому сбылось в тот же день: до захода солнца в гнезде голубя вылупились два птенчика, и радостным воркованием возвестили о своем появлении на свет!

Горлица, преисполненная гордости от сознания честно выполненного долга, пуще прежнего нахохлилась и взяла под крыло своих птенцов. Голубь торжествовал. Наконец-то и у него есть потомство. И теперь, пожалуй, пришло время осуществить заветную мечту.

Голубь тщательно почистил перышки, с любовью оглядел птенцов и... устремился ввысь. О! Он обязательно доберется до высокого неба, куда летают на прогулку ласточки. И тогда соседи узнают, с кем имеют дело!

Взмывая вверх, он даже перекувыркнулся на лету: чем хуже он своих сородичей — надменных голубей. Как будто он не способен быть таким же стремительным и легким, ловким и уверенным в себе.

Снизу донесся встревоженный голос супруги, даже сидя в гнезде, узрела-таки она его проделки.

— Голову себе разобьешь, ишь, смельчак!

Как это приятно, когда за тебя волнуются, переживают!

С видом победителя посмотрел он на свою супругу, которая, укрыв крылом птенцов, не сводила с него злых глаз.

Однако, сам того не заметив, поднялся он, оказывается, порядочно. А внизу его горлица подняла настоящую панику.

— Эй, голубь, птицы высокого полета не любят, когда всякая мелочь попадает им на пути! В небесной вышине могут парить только орлы. Если попадешь им на глаза — смотри, заклюют, головы лишат! Сейчас же спускайся вниз! Ну что ты прикидываешься, будто не слышишь ничего?!

Разгневанная, взъерошенная горлица сорвала себе голос от крика.

Но голубь слышал предостережение своей супруги и с опаской посмотрел вниз. Заметив высоко-высоко чье-то парение, сник. Огляделся по сторонам — и в самом деле что-то уж очень высокогато он забрался... Да и время позднее. Солнце багровым шаром полыхало на линии горизонта. С этой огромной высоты двор, в котором он живет, кажется с курятник, а машины, снующие по большой дороге, похожи на кота Барока.

И тут сердце его захолонуло: в самом деле, что ему

делать в этой вышине, что он потерял здесь? Жизнь-то его проходит безмятежно вниз, к земле поближе...

И голубь камнем устремился вниз. В глаза бросилась торчащая палка. Он расправил крылья, успел-таки зацепиться — помогли коготки. Усевшись поудобнее, осмотрелся — оказалось, что это голубиный шест, установленный на крыше дома. Излюбленное место тех самых домашних голубей — сизого и белого, что кувыркаются беззаботно в небе, проводят дни в бесконечных играх и веселье.

Интересно, как отнесутся к нему эти голуби. Хотя, если подумать, — они ведь ему не совсем чужие. По материнской линии приходится ему родичами. Поэтому он, думается, может смело провести здесь ночь. Неплохо, если найдутся в здешнем голубином семействе старики, которые любят порасспросить кто какого роду-племени. Выяснят родство — сразу станут полюбезнее.

Он взглянул на темное небо. Несмотря на поздний час, соседи ласточки полетят, наверное, на прогулку. И никакой орел им не страшен. Откуда только взялся этот ветер. Если здесь, внизу, он прямо-таки сносит с шеста, то что же делается там, вверху! Там, наверное, настоящая буря. Так и есть: вон как мечется ласточка, борясь с порывами ветра.

Закат еще полыхал заревом, а на востоке горизонт уже был черным. Вдруг сверху донесся странный шум. Не успел голубь разобраться, что за шум, как очутился среди стайки незнакомых голубей. «Кто этот чужак? Как смеет он сидеть на чужом месте?» — кружили они вокруг него, не скрывая своего недовольства.

Голубь от испуга задрожал всем телом, вобрал в себя голову, часто-часто замигал глазами. Но... сошвырнули-таки его с шеста. Добро еще, успел сжаться в комок — не так сильно ударился при падении.

Отряхнулся, пришел немного в себя и, приглаживая клювиком перья, подумал: можно и не мечтать о высоком небе. Лучше уж искать себе пропитание около курятника, во дворе, вокруг очага. Ну и что из того, что есть у него крылья! Ведь даже такая важная особа, как страус, имея крылья, всего лишь расхаживает по земле, в зоопарке! И в небо не стремится.

Погруженный в мрачные мысли, возвратился голубь домой. А здесь его ждали новые неприятности. Супруга встретила рыданиями, а затем принялась браниться, надрывая горло:

— Отцом называешься, где тебя носит? Лишилась из-за тебя своего птенчика!— и она вновь горько зарыдала.— Отчего тебе, как всем уважающим себя голубям не сидится на месте? Найди мне мое дитя!...

Жаль горлицу, конечно! Но где он будет искать птенца, если его давным-давно похитил прожорливый кот!

Никогда, видно, не насытит свою утробу этот проклятый разбойник Барок! Пока он жив, не будет покоя горляшкам. Каждый год повторяется одно и то же — теряют по его милости одного-двух своих птенцов. Едва покрывшись, с неокрепшими еще крыльями, птенцы уже затевают шалости. А там, где шалость, и до беды недалеко. Вывалится нечаянно птенец из гнезда — а обжора Барок тут как тут в винограднике. Хвать свою несчастную жертву — только его и видели!

Вон он лежит около стены, греясь на солнышке, облизывая усы. Глаза прищурены, но сам начеку. Даже когда храпит — верить ему нельзя. И оба уха уже настороже, и сам — весь внимание. Попробуй-ка спуститься к водопроводу, чтобы напиться. Чуть зазеваешься — в два прыжка достигнет тебя кот и схватит за горло. Хитер этот лживый Барок!

А тут еще эти воробьи галдят без устали, поддразнивают голубя, подзадоривают. Называют его разиней, безвольным трусом. Ну-ка попробуйте приблизиться к коту сами, раз вы такие смелые!

Однако, справедливости ради надо сказать, какими бы драчливыми и попусту крикливыми ни были воробьи, между ними есть единство. В прошлом, к примеру, году, на одного их птенца, учившегося летать, напал было кот, так воробьишки столь дружно бросились его защищать, что обратили нахального Барока в бегство. Еле ноги унес тогда разбойник-кот. Долго после этого ходил Барок с попорченным внешним видом, стесняясь показаться во дворе, зализывая свои раны.

Да, ничего не скажешь, взаимовыручки, этой черты, свойственной воробьям, и особенно сильно развитой у ласточек, начисто лишены горляшки. Нет у них чувства товарищества, согласия между собой. Если на старшего брата напал хулиган, младший делает вид, что ничего не видал. И вообще, если хорошенько поразмыслить, много на белом свете еще несправедливости, так много, что сердце может разорваться. Однако... что это может поделывать? В одиночку... Голубь, пожалв плеча-

ми, снизу вверх взглянул на воробьев. Конечно, легче всего вот так, раздирая глотки, чирикать. Но если он, голубь, вздумает броситься на поиски птенца, то дело, скорей всего кончится тем, что он сам угодит в лапы хищного Барока. Кому будет от этого легче?! Только оставшихся птенцов сделает сиротами.

Представив себя на миг в смертельных объятиях кота, голубь содрогнулся от ужаса. Он весь сжался и даже глаза закрыл. А воробьи продолжали галдеть, продолжали издеваться над ним, обзывая его то недотепой, то тряпкой. У голубя от обиды ком к горлу подступил. Неужели эта оголтелая стая полагает, что у него нет чувства собственного достоинства?! До каких же пор будут шуметь эти скандалисты и бузотеры? Хотел он им ответить как следует, но промолчал. Стоит ли уподобляться этим неучам! Пусть дразнятся себе на здоровье, ему на их глупые выкрики наплевать!

Он подошел поближе к своей убитой горем подружке. Повертелся вокруг нее, утешая.

— Не горюй, успокойся,— погладил он крылом,— чему быть, того не миновать,— значит судьба такая. Радуйся, что сама не угодила в лапы кота.

Слова утешения супруга действовали на горлицу, она перестала рыдать, призадумалась и решила, что в его словах есть доля истины. Действительно, а вдруг сама бы она стала жертвой Барока? Тогда... тогда ее малые птенцы остались бы без матери... А это еще худшее несчастье! Когда же голубь жалостливо проворковал: «Без тебя нам, бедным, трудно бы пришлось»,— она не смогла сдержаться, и слезы вновь градом хлынули из глаз.

Голубь как можно ласковее и нежнее успокаивал свою подружку, даже перышки ей пригладил, почистил, и она, наконец, перестала плакать. А еще через некоторое время они оба и вовсе успокоились, и далеко за полночь слышалось их воркованье, игривый шум крыльев.

Время шло, и у их птенцов появилось оперение, окрепли крылья. Еще, казалось, вчера желторотые, беспомощные, сегодня они заметно подросли. Верно говорят: каждая птица повторяет то, что видела в родном гнезде, продолжает унаследованные от предков повадки. Птенцы ласточек, как и родители, взмывают высоко в небо, так высоко, что их не видно. Не знают они ни страха, ни осторожности. Их удел — высота.

Детки же горяшек преспокойно вертятся около курятника, вокруг очага ищут себе корм. От воробьиных же птенцов нет никому покоя. Даже спать спокойно не дают. Вот и сегодня пришлось встать ни свет ни заря из-за их гомона. Голубь бросил недовольный взгляд в сторону крыши амбара, под которой сновали взад-вперед суетливые воробьи. И стар и млад, заняв ветви урючины, обсуждают план предстоящего разбоя. Ну разве не следует такое дело держать в тайне? Так нет же, они так орут, что всей округе становятся известны их планы. Один из них, видимо, самый старший среди воробьев, тот, что с редким пухом на голове, чирикал речь.

— Мой жизненный опыт подсказывает, что для успеха операции следует разделиться на две стаи и начать внезапную атаку виноградника с правого и с левого флангов одновременно.

Поглаживая крылом лысоватую макушку, старый воробей привел свои аргументы. Другой, помоложе, и более уверенный в себе, выступил против:

— План этот нам не подходит. Нужно рискнуть и начать нападение прямо в лоб,— оголтело чирикал он, надрывая связки.

Голубь отвернулся от них. Эх, чтоб этих горлодеров каркинак¹ хищный проучил! Уж коли собрались на разбой, так готовьтесь к этому тихо, чтоб никто не знал, ведать не ведал. А то раскричались на весь свет, нарушая чужой покой. Вот и супруга, сладко дремлющая под его крылом, чего-то испугалась во сне — и все из-за шума. Верно говорят: когда покупаешь дом, узнай сначала соседей. Боже упаси от соседей-скандалистов! Но и соседи напротив, те, что живут в гнезде, свитом на портале дома, очень беспокойные. Целыми днями, не умолкая, щебечут. И птенцы их шаловливы. Хотя, конечно, их не сравнить с воробьиной малышкой. От этого просто не знаешь, куда деваться.

А в общем-то, самое лучшее, когда рядом нет ни тех, ни других: когда ласточки летают высоко в небе, вылавливая над полями и лугами вредных насекомых, а разбойники-воробьи устраивают набеги на виноградники. Без них спокойнее, во всяком случае — тише.

Так проходили дни. Все чаще небо затягивалось ту-

¹ Каркинак — хищная птица, чуть меньше ястреба.

чами. Налетавший порывами ветер поднимал пыль столбом, срывал и кружил в воздухе желтые листья, шелестел опавшей сухой листвой. В один из дней ласточка вдруг стала прощаться.

— До свидания, соседка!— ласково защебетала она, обращаясь к горлице.

«Ишь, как сладко стелет»,— голубь не без ехидства справился:

— Далеко собрались?

— К высоким, далеким горам.

Ему известно, что ласточки здесь только высидивают яйца и выводят птенцов. Зимуют же в дальней стороне, в стране высоких гор. Но каждую весну прилетают сюда, осенью же возвращаются обратно. Из вежливости он все же как бы жалеючи проворковал:

— Да оставайтесь вы здесь, зачем вам такие хлопоты!

Ласточка покачала головой.

— Нет, нет, мы должны лететь!

— И за что так страдать, понапрасну изматывать себя? Что вы там не видели, что вы там позабыли? Стоит ли рисковать неизвестно из-за чего, покидать насиженное место. Жили бы себе здесь тихо, спокойно!

— Насиженное, тепленькое гнездышко плохо действует на нас, ласточек, можешь превратиться в лодыря,— защебетала соседка.— И напротив, чем больше летаешь, там легче тебе дышится и живется! В этих дальних перелетах есть ни с чем не сравнимая прелесть!

— Но ведь это мучительно!— зажмурился голубь.

— А без преодоления трудностей не бывает истинной радости!— весело ответила ласточка и продолжала приводить аргументы, убеждая в своей правоте.— Конечно, нелегко переносить эти многодневные перелеты. Но зато какое блаженство подниматься высоко-высоко, видеть белоснежные шапки скалистых гор, окаймляющих зеленые долины,— это ли не отдых! Конечно, всякое бывает: видишь одно — не нарадуешься, при виде чего-то другого — больно делается, переживаешь. Но разве плохо — видеть многое и знать? Да, путь далекий, не без трудностей — так что ж с того!

— Ну вот еще, как же!— голубь категорично, не принимая последние слова соседки, отрицательно покачал головой.— Это нам никак не подходит.

— Ну что ж, до свидания, нам пора. А вы не поки-

дайте обжитого теплого места,— со значением произнесла ласточка.

— До свидания!— помахали на прощание своими крылышками ласточкины дети.

Искренность, теплота, звучащие в их голосе, не могли не тронуть даже самую холодную, рассудительную натуру. «До чего воспитанные дети, не то что вот эти беспризорные»,— подумал голубь, краем глаза взглянув в сторону амбара, где шумели воробьи.

От хороших соседей остаются приятные воспоминания. И в холодную ночь, когда выпал первый снег, голубь, дрожа от пронизывающей все тельце стужи, вспоминал добрых соседей — семейство ласточек. Достигли, наверное, своей цели — долетели до теплой долины, что за высокими горами. И сейчас там, наверное, светит яркое и теплое солнце. И он позавидовал им.

Погруженный в невеселые думы, голубь сидел грустный в своем ненадежно устроенном ветхом гнездышке. От тоски ему стало еще холоднее, и он сжался еще больше в комок. «Эх,— тяжело вздохнул голубь,— решительности не хватает для высокого полета».

А ветер выл не переставая.

ДОСПЕХИ КЕНЖА-БАТЫРА*

В горах Дехканабада в одном из чабанских кочевий живут брат и сестра — Кувандык и Зухра. «Мало ли на свете братьев и сестер!»— скажете вы. В том-то и дело, что таких недружных, пожалуй, и не встретишь. А уж Кувандык всем задирам задира. Обязательно зацепится за какую-нибудь мелочь и драку затеет.

Вот и сейчас, нахлобучив огромную отцовскую шапку, похожую на перевернутый вверх дном казан, он уцепился за узду и изо всех сил тянет ишака к себе. А Зухра тянет его в свою сторону. Она старше Кувандыка на целых полтора года, но тот, если захочет, может запросто довести ее до слез, подергав, например, за косички.

— Впереди сяду я!— заявляет он тоном, не терпящим возражений. И, взявшись одной рукой за седло, другой — за узду, пытается вскочить на ишака, но его отталкивает Зухра.

— Нечего лезть вперед — мал еще.

— Это я-то мал?! Во втором учусь и все мал?! Вот я тебе покажу сейчас, кто мал!..

И неизвестно, когда бы и чем закончился этот спор, если бы на шум из дома не выглянула мать. И вот наконец они верхом на ишаке — Зухра в седле, за ней — Кувандык — отправились в школу.

Школа находится в долине сая, что расстилается вон за той заснеженной грядой гор. Там же — центр совхоза, магазин, и большинство чабанских семей спускаются туда с гор на зимовье. Это не так далеко, если

* Кенжа — в переводе с узбекского значит «младший», «батыр» — богатырь.

идти через перевал,— всего четыре-пять километров. А в окружную — долгий путь. Но Зухра с Кувандыком никогда так не ездят: и в летний зной и в зимнюю стужу они привычно пересекают горы через перевал.

— Их-х!

Всю дорогу Кувандык, шмыгая курносом носом, что-то недовольно бурчал про себя. Но когда показалась пещера, похожая отсюда на тандыр, его обиду как рукой сняло. Кругом белым-бело, а на снежном склоне горы черным пятном зияет вход в подземелье. И будто кто-то неведомый прячется там, следит за каждым движением путников. Всякий раз, когда они проходят это место, все внимание Кувандыка приковано к таинственной пещере, и его охватывает невольный страх. Вот и сейчас сердце захолонуло. Кувандык закрыл было глаза, но тут же устыдился своего поступка. «Чего это я испугался?» — прошептал он про себя. Разве весной, когда с друзьями собирали здесь тюльпаны, он не входил в глубь пещеры? Разве не искал с ребятами в ее лабиринтах лук и колчан со стрелами самого младшего из богатырей — Кенжа-батыра по имени Дехкан? И все же, несмотря даже на такое «близкое знакомство», грот казался заколдованным и потому небезопасным местом.

Размышления мальчика прервал серый ишак: поскользнулись его задние копыта, и он едва удержался на ногах. Кувандык тоже чуть не рухнул на землю.

— И-их! — разозлилась на ишака Зухра.

— Дай сюда палку! — Кувандык, вырвав из рук сестры колышек, легонько ударил по ослиному хребту. — И-их! Не умеет править ишаком, а уселась вперед!..

И, громко потянув носом, покрасневшимся от мороза, похожим на сросшиеся две клубники, он зло глянул на плечи сестры. Хорошо, что заплетенные в мелкие косички волосы Зухры сейчас надежно укрыты большой цветастой шалью. А не то...

Серый ишак тем временем, кряхтя и посапывая, выпуская из влажных ноздрей клубы пара, доплелся до перевала, благополучно миновал его и засеменял вниз так споро и безошибочно, что подстегивать его больше не пришлось.

А возвращались из школы домой — в седле восседал Кувандык. Зухре, хотя она и старше, и намного выше брата, пришлось занять место за его спиной: разве Кувандык отступится от своего! Миновав сай, они

начали подниматься вверх по склону. Не прошли и половины пути к перевалу, когда мелкий, словно через сито сыпавшийся снег повалил вдруг крупными хлопьями.

Кувандык с тревогой поглядывал в сторону вершины: ее совсем не видать за плотной завесой снега. Забеспокоилась и Зухра — она невольно подумала о матери. Ведь стоит им чуть припоздниться — мать раз десять выйдет за ворота. А с ней рядом их верный пес Каплан, он тоже ждет, глаз не сводит с дороги. Издали заметив, с радостным лаем бежит навстречу. Отец... Навряд ли он сейчас пасет отару — в такой-то снежище! Загнал, наверняка, овец в кошару и носит вилами им сено со стога. Подошло время доить корову. Уж не заливадается ли плачем братик Чулпан, которого мама оставила одного в комнате? И Зухра, представив своего младшего братишку, сладко посасывающего во сне соску, невольно улыбнулась. Снежинки, порхая в воздухе, как белые мотыльки, опускались на ресницы, таяли на губах. Зухра продолжала улыбаться: перед глазами ее стоял Чулпан, всем своим крошечным тельцем тянувшийся к ней на руки.

— Пешком идти в сто раз лучше, чем ползти верхом на этом животном! — и Кувандык со злостью каблуками сапог ударил ишака по бокам.

— И чего ты так разошелся? Ишь, развоображался, как будто всю жизнь только на коне и скакал! — Зухра, передразнивая брата, скривила губы. — Ну иди, иди пешком!

— И пойду пешком! Думаешь, испугаюсь? Вот сойду сейчас же с ишака, а ты оставайся одна! — пригрозил сестре Кувандык.

— Ох, как я испугалась! — не унималась Зухра.

Однако Кувандык никуда не ушел от нее, и с ишака не спрыгнул. На расстоянии десяти шагов ничего не разглядишь, а снегопад не утихает. Куда он один пойдет? И Кувандык, поглубже усаживаясь в седле, продолжал свой путь, подгоняя осла то палкой, то окриком. Зухра за его спиной умолкла, как будто вспоминая что-то. Она стала озираться по сторонам, обернулась назад — ни зги не видно. Ни ярких огоньков в окнах школы, которые обычно заметны далеко-далеко, ни фермы, ни сая... Вокруг кромешная пустота и тишина. Все заволочло снежным маревом. Взглянув вниз, она не нашла тропинки, по которой утром они ехали в шко-

лу: ишак протаптывал по свежему снегу новую дорожку.

Внезапно сквозь белую завесу прорвалось черное пятно, и казалось, будто оно приближается к ним. Но вот оно осталось в стороне: оказывается, это огромный темный валун, лежащий под скалой, как под козырьком, и потому не покрытый снегом. Чабаны прозвали его «каменным верблюдом»: по форме он и вправду напоминает верблюжий горб.

— Полпути прошли,— облегченно вздохнула Зухра.

За «каменным верблюдом» тропинка, петляя, поднимается круто вверх. Серый ишак же побрел чуть в сторону, и Зухра, заметив это, сказала брату:

— Дерни за узду!

Кувандык, сунув закоченевшую правую руку за пазуху, левой разок-другой ударил осла по шее:

— Чтоб ты достался волкам на съедение! Ку-да?

«Так отец проклинает коз, отбившихся от стада»,— мелькнуло в голове, но Зухра не стала подсмеиваться над братом, как обычно бывало в таких случаях.

Удары возымели действие, и осел некоторое время шел, как надо, вверх, но постепенно опять начал сворачивать. Зухра уже не заметила этого: навстречу им несся снежный вихрь. Она подвинулась поближе к брату, понадежнее укрылась за его спиной. Кувандык, опустив еще ниже на лоб шапку, попеременно грея за пазухой то правую, то левую руку, с трудом раскрывая залепленные снежными хлопьями веки, безучастно смотрел вперед. Он уже промерз до костей и с радостью поменялся бы местами с Зухрой!

Чем выше поднимались, тем более лютым, пронизывающим становился холод. Мороз щипал нос и щеки, колючий снег не давал открыть глаза, дышать поглубже. Когда же путники почти достигли перевала, буран набрал такую силу, что чуть не сдул их с гор вместе с ишаком.

Кувандык, наклонившись, крепко обхватил руками осла за шею, Зухра прикрыла собой брата. И все же ни на шаг дальше они не смогли продвинуться: серый ишак стоял на месте, упершись всеми своими четырьмя ногами, уткнувшись мордой в снег.

Зухра первой сошла с ишака, за ней спрыгнул Кувандык. Спрятавшись за ним, как за щитом, от снега, брат с сестрой вопросительно посмотрели друг на друга: «Что теперь будем делать?». Не дождавшись ответа,

Кувандык шмыгнул носом. В горле будто ком застрял, и он не преминул бы горько заплакать, если бы сестра, посмотрев в этот момент куда-то поверх его головы, не вскрикнула: «Вай!» Обернувшись, Кувандык замер от страха. Пещера! Она была совсем рядом, вход зиял зловещей чернотой, будто страшный дракон широко разинул пасть, готовясь проглотить одну жертву за другой.

Мальчик испуганно отпрянул назад.

Значит, серый ишак, несмотря на все побои и угрозы, не зря сворачивал с тропы: он упрямо шел именно сюда.

— Идем,— Зухра взяла братишку за руку и повела к пещере.

Кувандык, пристально всматриваясь в таинственный полумрак — как бы не наткнуться тут на кого,— последовал за Зухрой.

Ишак без труда прошел в отверстие пещеры. Не испугался — сам вошел. В пещере было сухо и тепло, дышать можно свободнее. Отсюда слышно лишь эхо продолжавшего бушевать бурана, сумасшедшим вихрем носившегося от скалы к скале. Зухра, всматриваясь вдаль, замерла у входа. Перед глазами ее опять возник родной дом.

— Мама, наверное, у ворот стоит, нас ожидая,— тихо произнесла она.

Кувандык не ответил, вернее, не расслышал ее. Оказавшись в «тепле», мальчик скоро совладал с собою и, чтобы совсем избавиться от гнетущего чувства страха, стал искать на каменной стене изображение щита, колчана со стрелами и лука молодого богатыря Дехкана. Конечно, хорошо бы найти настоящие доспехи его, но поначалу хотя бы наскальные рисунки отыскать — большое дело! В первый раз Кувандык увидел эти рисунки весной, в яркий солнечный день. Сейчас здесь темно, стены едва различишь. А вообще-то, как утверждает отец, взаправдашние доспехи батыра спрятаны где-то здесь, в пещере. И тот, кто их отыщет, станет таким же сильным, смелым богатырем, каким был Кенжа-батыр по имени Дехкан. Это он, рассказывают старики, в стародавние времена обводнил полыхающие зноем здешние места, почему и зовутся они — Дехкан-абадом.

Вместе со своими старшими братьями он прорыл канал, чтобы пришла вода по нему, оросила растрескавшуюся от жажды степь. Вспахал землю, засеял ее. По-

садил деревья. Вскоре поля зазеленели, зашвели сады. Но тут откуда ни возьмись в эти края ворвались враги. Они потравили посевы, пустив на них скот, вырубili яблони, урючины, другие деревья и сожгли их дотла на огромном кострище. И там, где ступил своими сапожищами враг, оставалась голая пустыня, будто выеденная тучей саранчи. Молодой батыр Дехкан, старший и средний его братья-богатыри вместе со всем дехканабадским людом поднялись на борьбу с захватчиками. Оставшись один на поле боя, Дехкан-батыр бежал в эту пещеру, скрылся в ней. Неприятели окружили скалу. «Покорись нам, и мы поставим тебя во главе твоего народа»,— предложил ему недруг. Кенжа-батыр Дехкан со смехом отверг это предложение.

Кувандык на миг вообразил себя Кенжа-батыром. И даже ощутил на своих руках тяжесть его доспехов.

Зухра сидела рядышком, притулившись к стене грота. И серый ишачок, их верный друг, стоял, обратив к ним свою добродушную, умную морду.

Вдруг снаружи донесся протяжный вой и слился с пронзительным свистом бурана. Сердце Зухры сжалось, она подвинулась ближе к брату. В другое время Кувандык не упустил бы случая подразнить сестру, оттолкнул бы ее от себя подальше. Но сейчас он веско произнес:

— Ты не бойся.

«Ну точь-в-точь, как отец»,— Зухра опять подумала о матери. Окажись она сейчас здесь, погладила бы Кувандыка по голове, сказала: «Ты у нас — вылитый отец! Будь только здоров и крепок, как камень».

— Может, это наш Капкан? Он иногда так завывает,— Кувандык сказал эти слова больше для себя.

Зухра не ответила. Как ей хотелось, чтобы эти звуки, от которых делалось страшно, издавал Капкан!.. Заметив, что Зухра дрожит, Кувандык встал. С трудом передвигая заочневшие ноги, подошел к отверстию грота и стал пристально всматриваться вдаль в надежде увидеть знакомую фигуру отца. Но все вокруг, насколько было видно глазу, обьято голубоватым снегом, а пурга еще беснуется. Даже вход в пещеру наполовину засыпало снегом. В такую непогоду и верхом на коне не выйдешь в дорогу — опасно. Кувандык прекрасно понимал это. И все же в глубине души теплилась и не оставляла его надежда. И Кувандык долго стоял непо-

движно у входа в подземелье, глядя в безлюдное пространство, охваченное белым вихрем.

Губы его вдруг задрожали, в горле будто ком застрял. И тут его позвала Зухра. Кувандык крепко зашмурился, с ресниц его сорвались две слезинки и скатились по щекам. Мальчик вытер лицо рукавом и пошел на зов сестры. Вспомнив, что Зухра совсем-совсем замерзла, он взял накинутое на ишака холщовое покрывало и укрыл им ноги сестры и свои.

Прикрывая собой отверстие пещеры, над их головами возвышался серый ишак, всем своим видом говоря «Я — с вами». Ребята ощущали его теплое дыхание на своих щеках.

Так и сидели брат с сестрой, прислонившись спинами к каменной стене, глядя друг на друга, пока не погрузились в дремоту.

Кувандыку приснился сон: чудовищный дракон-людоед, широко разинув пасть, глубокую и темную, как этот ров, медленно извиваясь, ползет по снегу. Зухра то ли от страха, то ли от холода прижалась к нему. «Ты только не пугайся», — утешает ее Кувандык, хотя самого бьет дрожь. В его руках вдруг оказывается лук батыра Дехкана. Кувандык изо всех сил натягивает тетиву и, целясь в горящие, налитые кровью глаза прожорливого чудовища, выпускает стрелу. Стрела со звоном летит и вонзается прямо в глотку дракона. Зухра от радости обнимает брата, целует. А он, устыдившись, что с ним обращаются, как с маленьким, закрывает лицо локтями, говорит: «Перестань, хватит!» А Зухра как будто и не слышит, все лезет и целует щеки, глаза.

Кувандык открыл глаза и увидел Каплана! Радостно повизгивая, лижет его лицо.

Кувандык посмотрел на руки, рядом с собой — нет ничего. Разве только что не держал он вот в этих самых руках доспехи Кенжа-батыра Дехкана?

— Зухра... — хотел было спросить у сестры, да не смог договорить: от холода зуб на зуб не попадал. Сестра же, свернувшись в клубок, беззаботно спала. Кувандык снисходительно улыбнулся. В это время в пещеру, слегка наклонившись, вошел отец. Вскочив с места, мальчик вскрикнул:

— Оте-ец!

Отец с сыном обнялись. От его возгласа проснулась Зухра и тоже бросилась в объятия отца.

— Вот и ладно! Хорошо, что не замерзли,— сдержанно проговорил он, не выпуская детей из рук.

Наконец собрались в путь. Отец подправил седло, затянул потуже подпругу.

— Садись спереди,— сказала Зухра.

— Ты давай сама вперед садись,— возразил Кувандык.

Удивляясь, как изменился братишка всего лишь за одну ночь, Зухра заняла седло. Вслед за ней запрыгнул Кувандык.

Когда покинули пещеру, светило яркое солнце, под его лучами искрился снег, заставляя невольно щуриться. Впереди бежал Каплан, посередине трусил их верный ишак, отец верхом на лошади за ними — такой дружной кавалькадой отправились они домой.

СОДЕРЖАНИЕ

УХОДЯТ АРХАРЫ. Повесть. Перевод Х. Анарбаевой и И. Федорова	3
ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО. Рассказ. Перевод Х. Анарбаевой и С. Тарбеевой	67
ДОСПЕХИ КЕНЖА-БАТЫРА. Рассказ. Перевод Х. Анарбаевой	83

Уз2

А 64 Анарбаев С.

Уходят архары: Повесть. [Для среднего школьного
возраста/Пер. с узб. Х. Анарбаевой].— Т.: «Ёш
гвардия», 1985.—96 с.

Уз2

Для среднего школьного возраста

На русском языке

Анарбаев Суннатулла

УХОДЯТ АРХАРЫ

Повесть и рассказ

Перевод с узбекского

ИБ № 1676

Редактор И. Баранова
Художник Х. Рахматуллаев
Художественный редактор Р. Зуфаров
Технический редактор В. Демченко
Корректор З. Наджатова

ИБ № 1678.

Сдано в набор 21.03.85. Подписано в печать 14.06.85.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 1. Печать
высокая. Гарнитура «Литературная». Уч.-изд. л.
5,12. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отг. 5,46.
Тираж 60 000. Договор 4—85. Заказ № 581.
Цена 20 к.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана, «Еш гвардия»,
700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана, Ташкент,
ул. Ленина, 41.

В 1985 году в издательстве ЦК ЛКСМ Узбекистана
«ЕШ ГВАРДИЯ»

выйдут в свет следующие книги на русском языке:

Алишер Навои. ХАМСА. Прозаическое переложение.

Ганс Христиан Андерсен. СКАЗКИ.

Герберт Уэллс. ВОЛШЕБНАЯ ЛАВКА. Рассказы.

Абдулла Арипов. ЖАЖДА ВЕСНЫ. Стихи.

Хаалима Худайбердыева. РЕШИМОСТЬ. Стихи.

Тураб Тула. ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА СЕМЬ РЕК. Повесть.

Пиримкул Кадыров. СПАСЕНИЕ. Повесть-сказка.

Рауль Мир-Хайдаров. ЖАР-ПТИЦА. Повести и рассказы.

Павел Шуф. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЮНКора «ИГРЕК». Повесть.

Уткур Хашимов. ЛАСТОЧКИ ЛЕТАЮТ ВЫСОКО. Повести.